

Забутые королевства: Звездный свет и тени

Элейн Каннингем

Паутина

2003

Каннингем Э.

Паутина / Э. Каннингем — 2003 — (Забывтые королевства:
Звездный свет и тени)

Покинув свою мрачную родину, подземный город темных эльфов, юная Лириэль Бэнр путешествует по Забытым Королевствам в компании воина-берсерка по имени Фиодор. Их жизнь на поверхности полна приключений, ведь прошлое не желает отпускать бывшую принцессу Первого Дома Мензоберранзана – за ней, обладательницей могущественного артефакта, идет настоящая охота. Стремясь вырваться из паутины зла, Лириэль Бэнр отправляется в опасное путешествие на остров Руафим. Ее ждут суровые испытания и горькие разочарования, и не раз еще отважной дроу придется платить дорогую цену за благосклонность Паучьей Королевы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Элейн Каннингем

Паутина

Глава 1

Скуллпорт

Глубоко под улицами Уотердипа, в полости расположившейся под морским дном, лежит потаенный город, в легендах и слухах зовущийся Скуллпортом. Большинство из проходящих сюда ищут торговли товарами, запрещенными в цивилизованных портах, и отбросы сотни враждующих рас ведут дела не отпуская рукояти ножей. Но ниже улиц Скуллпорта лежат еще более глубокие места, избегаемые даже самыми неустрашимыми торговцами. В одном из особо запутанных лабиринтов – серии змеящихся тоннелей и разграбленных склепов – была обустроена темница для нарушителей неустойчивого равновесия города.

Когда-то служившие усыпальницей для давно исчезнувшего племени дварфов, за столетия катакомбы стали домом для других, более опасных созданий. Время от времени сюда приходили охотники за сокровищами, в поисках не разграбленных тайников дварфов; большинство из них навсегда оставалось лежать здесь же кучками костей, красноречиво свидетельствуя о силе рышущих в каменных коридорах монстров.

Угрожающее место, даже для дроу, привыкшей к бесконечным тоннелям Подземья. Магическая эльфийская обувь заглушала звук ее шагов, пивафви окутывал невидимостью, и тем не менее Лириэль Баэнре была настороже, выискивая возможные опасности. Чтобы ускорить путь, она держала перед мысленным зрением лицо человека, заточенного в этом худшем из подземелий Скуллпорта.

Стройная как человеческая девочка, на вид немногим старше, юная дроу казалась тонкой, почти хрупкой. Черная атласная кожа придавала ей облик ожившей скульптуры, и эта картина еще больше усиливалась гибкой, облегающей одеждой из черной кожи и кольчугой такого же оттенка. Она была прекрасна на таинственный манер эльфийского рода, с изящными чертами и пышным белым облаком волос, отблескивавших словно лунное сияние на свежесвыпавшем снегу. На изменчивом лице, которое в один миг могло превратиться из озорного в холодно-надменное, сверкала пара больших миндалевидных глаз цвета янтаря Рашемена. Эти глаза говорили о наличии светлой головы, забитой множеством, не всегда невинных, проказ. Если судить по внешнему виду, дроу едва ли выглядела способной одолеть эту глубинную крепость, однако именно это она и намеревалась осуществить.

Лириэль легко шагала сквозь абсолютную темноту тоннеля. Мрак не представлял проблемы, глаза дроу легко распознают тепловые палитры скал и воздушных потоков. Глаза дроу-волшебницы были еще чувствительнее: впереди Лириэль различила слабую голубоватую ауру – видимую только обладавшим врожденным магическим талантом и прошедшим тщательное обучение – предупреждавшую о работе магии.

Дроу осторожно подкралась ближе. Сияние перекрывало коридор будто светящееся полотно, но поскольку это была магическая аура, видимая только волшебникам, оно не открывало ничего вокруг. На миг Лириэль задумалась, стоит ли ей рискнуть, вызывая настоящий свет, и решила что будет разумно взглянуть на ловушку сквозь глаза тех, кто создавал ее. Что это именно ловушка, она не сомневалась ничуть.

С легкостью мысли Лириэль сотворила шар магического огня, который тут же завис в воздухе рядом, периодически перемещаясь из стороны в сторону в ответ на ее безмолвные приказы, и омывая жутковатую сцену слабым белым свечением.

По обеим сторонам голубой ауры, вперемешку с оружием и поклажей, тоннель усыпали груды костей. Пол и стены во много слоев заливала кровь, окрасившая камни в тусклый темно-красный оттенок. Какого бы рода ловушка не была, она явно оказалась эффективной.

Взгляд Лириэль упал на неглубокую, покрытую выщерблинами бронзовую чашу, украшенную тонкой работы узорами и обрамленную драгоценной костью. Она казалось совершенно излишней среди всех этих останков и необходимых приспособлений, рассыпанных у ее ног, и поэтому любопытная дроу присела рядом. Когда она подняла чашу, «обрамление» вывалилось – не драгоценная, а совсем обычная кость, слишком толстая для чего-либо кроме черепа дварфа.

Дроу устроилась поудобнее на пятках, изучая свою находку. Что-то разрубило голову дварфа, столь легко пройдя шлем и кость, что края того и другого оказались гладкими, словно отполированными мастером-ювелиром. Это многое сказало ей о том, как умер дварф.

Пинками разбрасывая обломки Лириэль наконец нашла тяжелую бедренную кость, когда-то принадлежавшую здоровенному огру. Как она и ожидала, кость была разрублена около верхней границы, как раз на той высоте, где могла находиться голова дварфа, если бы два жаждавших сокровищ глупца встали бок о бок. Еще раз осмотрев кучу, дроу выбрала так же разрезанные кости из останков представителей нескольких разных рас, и разложила их рядышком. Вскоре она достаточно точно представляла себе, как ловушка работает – и каковы ее ограничения.

Лириэль вновь взялась за кость огра. Держа руку как можно дальше от опасной зоны, она ткнула концом кости в светящуюся область. По обеим сторонам тоннеля из сплошной скалы вырвались сверкающе-синие вращающиеся диски, встретились, и вновь испарились в камне.

Дроу посмотрела на кость которую держала в руке. Кончик распилило так быстро, что она даже не почувствовала удара, так тихо, что единственным звуком оказался приглушенный шлепок от падения осколка на пропитанную кровью скалу.

Неплохо, признала Лириэль, но чересчур предсказуемо. Маг дроу зачаровал бы острия на случайную атаку, чтобы каждый удар наносился из другого места. А может быть, подобные приготовления были сделаны, как раз для тех, кто разгадает первую угрозу, и попытается проскользнуть под ловушкой.

Достав еще две длинные кости, Лириэль взяла по одной в руку, и протянула первой в направлении сияния. Вновь рванулись навстречу друг другу синие диски, но в то мгновение, когда они прошли сквозь первую кость, Лириэль ткнула второй ниже. Лезвия проследовали своим путем не отклоняясь, и исчезли в скале. Вторая кость не активизировала магическую ловушку вовсе.

Слишком легко! В улыбке, изогнувшей ее губы триумф смешивался с презрением. Дроу ожидал бы повторную попытку – и третью! – и принял бы меры, чтобы диски могли моментально изменить траекторию, навстречу любому вторжению.

Теперь, когда путь стал ясен, Лириэль в последний раз потревожила ловушку. Когда дисквидные лезвия встретились, она нырнула под ними, перекатившись в безопасность.

Однако в Скуллпорте и окрестностях термин «безопасность» слишком относителен. Поднимаясь на ноги, впереди, на стене тоннеля, Лириэль заметила искорку отраженного света. Что-то приближалось из бокового коридора. Мгновенно вызвав врожденную магию дроу, она, все еще невидимая, взмыла к потолку, почти на двадцать футов, и распласталась у сырого камня, ожидая и наблюдая.

Из-за крутого поворота показался клочок светящегося дыма, тут же отпрянул, будто удивленный, что оказался в пустом коридоре. После мимолетной паузы, дым вновь потянулся вперед, огибая угол пока не собрался небольшим облачком. Светящаяся масса колебалась и извивалась, и наконец сгустилась уродливой, грубой человекоподобной фигурой. На глазах

остолбенелой от ужаса Лириэль, призрачное облако уплотнилось в гниющую плоть. Глазами, горевшими алым в темноте, тварь осмотрелась по сторонам.

Лириэль никогда не видела гголов, но узнала существо. Будучи когда-то человеком, сейчас он представлял из себя безмозглого, но хитрого пожирателя падали. Неведомым образом он ощущал срабатывание магической ловушки и приходил питаться. Этим можно объяснить очищенные кости в тоннеле. Однако оставалась непонятной способность ггола расплываться в облако дыма.

Ггол шаркая побрел по коридору, шумно принюхиваясь и раздирая воздух грязными когтистыми руками. Лириэль заметила, что он остановился чуть не доходя до магической западни, демонстрируя чувствительность, которую можно было ожидать от одаренного мага. Следя за движениями существа, дроу поняла, что оно возвращается по ее следам. Оно следовало по невидимому пути, оставленному ее родовой магией. Но как?

Она думала быстро. Без сомнений, этот представитель нежити когда-то был магом, вероятно достаточно сильным, чтобы подготовиться к послежизни в качестве лича. Если его планы сорвала атака гголов, он мог суметь совместить две трансформации. Если так, хищная тварь внизу была вооружена магией лича и хитростью ггола.

В ее распоряжении также была серьезная магия, но Лириэль не собиралась сражаться с безмозглым бродячим мертвецом. Для магического поединка стратегия не менее важна чем сила. Неужели ей, привыкшей к запутанным интригам своего народа, не удастся перехитрить существо, управляемое исключительно инстинктом и голодом?

В этот момент ггол поднял голову, оперевшись взглядом красных глаз в лицо Лириэль. В предвкушении, шурша по клыкам, мелькнул длинный змеиный язык. Дроу содрогнулась, хотя и была уверена, что ггол не мог видеть ее. Однако невидимость теперь успокаивала мало: когтистые пальцы лича-ггола дернулись, резкими движениями выполняя жесты давно неиспользовавшегося заклинания.

Ухватившись за кожаный ремешок на шее, Лириэль резко дернула за него. Из под туники показался маленький обсидиановый диск, с выгравированным на нем символом Лолт, Паучьей Королевы, темной богини дроу.

Сжимая священную вещь, девушка быстро решала, как ей поступить. Даже не самая сильная жрица может остановить атаку нежити, но Лириэль посещала жреческую школу очень недолго, и по рангу была лишь ученицей. С другой стороны, она была принцессой Дома Баэнре – самого могущественного клана Мензоберранзана – и когда она оставила родину, с ней было благоволение Лолт и собранная магия Подземья. Но с тех пор Лириэль прошла долгий путь, и не только в милях. Сейчас ей почему-то очень не хотелось звать к божеству своих предков.

Затем губы лич-ггола шевельнулись, извергая могильную пыль и гнилую слюну, беззвучно бормоча слова власти. Вокруг Лириэль гигантской рукой сомкнулась невидимая сила, потянув ее к ожидающему существу столь быстрым рывком, что ее голова болезненно откинулась назад, а руки раскинулись в сторону. Пивафви распахнулся, открывая ее твари. Но Лириэль сумела удержать в руке священный символ, и с молниеносной быстротой дроу она направила его в задранное слюнявое лицо ггола.

«Именем Лолт, сгинь!», сказала она. Этого было достаточно. Из символа с треском рванулся черный разряд, отбросив тварь. На мгновение ггол скрючился у дальней стены, сжавшись перед лицом высвобожденной силы богини дроу. Затем уродливое тело растворилось в дым, рассеявшийся на отдельные полоски, улетевшие как стая потревоженных птиц.

Коротко выдохнув, Лириэль опустила вниз. Однако облегчение ее было смешано с неясными, но неприятными предчувствиями. Ей было хорошо известно, как непостоянна и жестока Лолт. К счастью, ггол не стал подробно разбираться в характере богини. Сила есть сила, и Лириэль осталась жива, поскольку посмела воззвать к ней. Практичные рассуждения

приглушили беспокойство дроу и ускорили ее шаг. Вновь обернувшись в пивафви, она тихо заскользила по тоннелю, безошибочно направляясь к темницам.

Дроу изучала Скуллпорт уже несколько дней, и разузнала многие из секретов города. Она наслаждалась не скованной законами свободой Скуллпорта, бесконечным хаосом предоставляющихся возможностей. Но Лириэль была молода, и совершенно уверена, что судьба ожидает ее за морем, на острове зовущемся Руатим. И не собиралась медлить с делами.

Ее уши уловили отголоски далекой песни, легкомысленной мелодии распеваемой с огромным энтузиазмом, но без заметного таланта. Лириэль отправилась на голос, отслеживая сложную траекторию, по которой звук проходил по извивающимся коридорам и сквозь вибрирующий камень с такой же легкостью, с которой обитатель поверхности может пройти по древесной тени к ее источнику.

Довольно скоро дроу добралась до небольшой промозглой пещеры, несколько эпох назад служившей гробницей. Теперь она была превращена в тюремную камеру, закрыта железными прутьями толщиной с руку Лириэль и массивной дверью даже не с одним, а тремя замками. Холодный каменный альков освещал единственный жутко чадающий факел. В одной из стен были выбиты несколько углублений, давно освобожденных от костей и сокровищ. На другой стороне пещеры располагалась дощатая кровать, прикованная двумя проржавевшими цепями к стене. А на кровати развалился певец, в ритме своей музыки бросавший крошки плесневелого хлеба всякой живности, шуршавшей по полу камеры.

Пленник вовсе не казался подавленным угрюмым окружением. Это был гигантского роста человек, широкий в плечах, на бронзовом лице которого отражалась работа солнца и ветра, а яркие голубые глаза почти терялись в лабиринте веселых морщинок. Волосы, пышные усы и длинная борода были одинакового выжженного солнцем оттенка, такого бледного, что он почти скрывал седые нити. Хрольф из Руатима, более известный как Хрольф Буян, добродушный капитан корабля, славившийся своей любовью к задорным гулянкам на берегу. Лириэль уже успела узнать, что это пристрастие закрыло для него многие цивилизованные порты, и привело – уже не в первый раз – в темницы Скуллпорта.

Порывшись в сумке, она достала статуэтку, купленную у уличного торговца: грубое, скорее пародийное подобие скальда-северянина с рогатым шлемом, носом-картошкой и круглым брюшком. Как произведение искусства она не впечатляла, но неизвестный маг зачаровал ее особенно сильным заклинанием магических губ, способным вобрать в себя любую песню и прокручивать ее снова и снова примерно в течении часа. Лириэль решила, что часа как раз хватит. После того, как она привела в действие магию статуэтки, деревянный бард в ее руках ожил. На маленьком лице появилось выражение сосредоточенной концентрации, он впитывал энергично распеваемую песенку.

Встреча с нашими парнями,
Хуже гнева Амберли?
Коли хочешь жив остаться,
Груз свой с нами подели!
Сходите на берег, с Эльфийки ребята.
Море эля мы разошьем!
Таверны разграбим и стражей придавим,
А после в тюрьге слегка отдохнем!

Лириэль поморщилась. Среди многочисленных видов искусства темных эльфов баллады не значились, но со времени ухода из Мензоберранзана ей довелось услышать много хороших песен. Эта была не из их числа. Тем не менее, ее тонкие черные пальцы произвели жесты

заклинания, которое закрепит музыку в памяти статуэтки. Стоимость заклинания магических губ была ничтожна по сравнению с ценностью пленника этого подземелья.

Хрольф обладал репутацией одного из лучших капитанов на Побережье Меча. Кроме того, он был единственным капитаном, найденным Лириэль, который согласился взять на борт дроу.

Когда деревянный скальд поглотил песню, Лириэль бесшумно сняла пивафви, шагнула в круг света от факела и прочистила горло, привлекая внимание певца.

Хрольф Буян поднял взгляд, замолчав от неожиданного появления гостьи. Лириэль уперла кулаки в бедра и притопнула ногой изображая нетерпение.

«Когда мы отплываем?» спросила она.

Широкая улыбка, появившаяся на лице человека подняла уголки усов, придавая ему мальчишеское выражение, несмотря на седеющую бороду и волосы. «Да ну, разруби меня на кусочки и пусти на корм кальмарам! Это же черная девочка собственной персоной!» радостно проревел он.

«Чуть громче, если не трудно», ядовито ответила Лириэль, бросая быстрый взгляд по сторонам коридора. «В Уотердипе найдутся еще двое-трое кто не услышал».

Хрольф поднялся и подошел к двери своей камеры. «Я рад видеть тебя, девочка, но зря ты пришла», сказал он спокойнее.

«Еще денек – другой, и меня выпустят».

Дроу насмешливо фыркнула и склонилась над дверными замками. «Да, конечно, если под свободой ты подразумеваешь несколько лет принудительных работ. Тебе потребуется примерно столько времени, чтобы возместить ущерб за то, что ты сотворил в той таверне».

«Дерьмо чайки!» яростно бросил он, отметая жуткое предсказание взмахом огромной ладони. «Наказанием за потасовки в таверне всегда было не больше нескольких дней в кишках этого подземелья».

«Черепя решили изменить закон в твою честь», ответила Лириэль, имея в виду лишённые тел черепа, иногда появлявшиеся в Скуллпорте, чтобы вынести приговор нарушителям. «Ждать несколько лет мне совершенно неохота. Лучше уж пробиться отсюда к докам, и убраться подальше».

«Ничего подобного», возразил Хрольф. «Законы чудная вещь, а хорошая драка еще лучше, понятно, но куда им до взяток! Разумные люди ведут дела именно так! И в Скуллпорте в особенности, так что не волнуйся. *Эльфийка* пришла в порт загруженная под завязку. Кипа шкур, немного льна с Муншае и все в порядке». Лириэль изогнула бровь. «Да, разве я не упомянула, что твой корабль и груз арестованы?»

Само по себе это вполне соответствовало истине – в том объеме, который собиралась сообщить ему дроу. Хотя, как оказалось, свобода Хрольфа не продавалась, Лириэль уже успела выкупить корабль и экипаж. Другое дело, что лучше Хролфу пока об этом не знать. Насколько она могла судить, благополучие корабля капитан ставил куда выше собственного.

«Ах они взяли *Эльфийку*, вот как?» Капитан задумался над подобным развитием событий, рассеянно жуя ус. «Ну ладно, это меняет дело. Значит они хотят драки? Будет им драка!»

Дроу согласно кивнула. Она быстро сплела простенькое заклинание, чтобы проверить есть ли на замках какая-либо магия. Не увидев никакого свечения, Лириэль достала небольшой сверток, и осторожно распаковала маленький стеклянный сосуд. Предельно тщательно открыв его, она капнула единственную каплю черной жидкости на каждую цепь и замок.

Раздалось слабое шипение, замки провисли и полураспустились, под действием концентрированного яда черного дракона. Дорогой метод, зато быстрый и тихий, а у Лириэль не было особых причин экономить. Всего несколько дней назад она сыграла ключевую роль в рейде на крепость враждебных дроу, и получила свою долю огромной сокровищницы. Этого хватит, чтобы доставить ее на Руатим с должным шиком, и останется еще достаточно, чтобы припря-

тать пару тайников на будущее. И все же у Лириэль странно перехватывало горло при воспоминаниях о битве и друзьях, павших там. Один из ее друзей, хоть и был опасно ранен, выжил и теперь ожидал ее на борту корабля Хрольфа. Мысли о Федоре и его собственной нужде, ведшей на Руатим, подстегивали ее нетерпение.

Жестом приказав Хрольфу отодвинуться, она пинком распахнула дверь, держась на почтительном расстоянии от все еще тающих цепей. Дракониий яд столь же легко проест кожаную обувь, – не говоря уж о плоти и кости, – как растворяет металл. Заинтригованный капитан следил за тем, как Лириэль устанавливает статуэтку на кровать и приводит в действие ее песню. Гордость загляла его лицо при звуках его собственной песни раздающейся из маленькой фигурки.

«Это заставит их держаться в стороне», заметил он весело. Лириэль решила, что он реалистично смотрит на собственные музыкальные таланты.

Повернувшись, Хрольф уважительно посмотрел на нее. «Одной силы твоей улыбки хватило, чтобы я согласился взять тебя пассажиром, но еще и заполучить на корабль мага! С твоей магией, девочка, мы уже считай в море. Чтоб меня Амберли взяла, если я не становлюсь разумней в выборе друзей!» счастливо заключил он.

Лириэль бросила удивленный взгляд на веселое лицо собеседника. Такое легкое упоминание дружбы было для нее странным. Она и видела его прежде всего однажды, незадолго до той самой потасовки, которая и привела его сюда. Он казался довольно общительным, и дроу была рада договориться с умелым капитаном, который к тому же и сражается как ужаленный пчелой медведь. Но дружба для нее все еще была новой идеей, к которой не следовало относиться беспечно. На миг она позавидовала короткоживущим людям, которые казалось приходили к ней столь легко.

«До корабля еще надо добраться», напомнила Лириэль. Сняв запасной пояс с мечом, она вручила его человеку. Тот молча застегнул его, и обнажил меч, довольно оценив остроту клинка. Сделав несколько пробных взмахов чтобы почувствовать его и размять бездействовавшие мышцы, он последовал за дроу в тоннель.

На их пути время от времени попадались вбитые в стены кольца с факелами, так что Хрольф мог идти уверенно, хотя и не столь бесшумно. Дроу задала медленный, размеренный темп, пытаясь ослабить эффект тяжелых шагов Хрольфа. Она могла сражаться, если возникала необходимость, но признавала мудрость избежания лишних неприятностей. Пока что, не считая столкновения с гхолом-магом, проникновение в подземелье было достаточно легким. С другой стороны, никто ведь не ожидал попытки пробраться внутрь. Лириэль подозревала, что вернуться назад будет куда сложнее.

До ее ушей донесся слабый звук. Из ближайшего прохода звучал вибрирующий шорох множества ног и гортанная гоблинская речь. Толкнув Хрольфа в альков, она укрыла их обоих пивафви. К ее облегчению, Хрольф Буян не стал возмущаться предосторожностями, или с ревом бросаться на гоблинов. Капитан и дроу ждали довольно долго, пока наконец мимо них строем не прошли стражники. Это оказались плотные, мускулистые существа – какая-то из гибридных разновидностей гоблинов – широкие как дварфы и обряженные в явно не по размеру сделанные старые кожаные доспехи. Стражи, которых явно перекармливали, тем не менее демонстрировали неплохой арсенал поддерживаемого в приличном состоянии оружия. Кроме того, их было двенадцать, достаточно, чтобы заставить призадуматься даже темную эльфийку и Буяна.

Патрульные остановились в тоннеле впереди, болтая между собой и перекладывая поудобнее поклажу. Лириэль пробормотала проклятие.

«Что они делают?» спросил Хрольф, голосом чуть громче шепота.

«Собираются отдохнуть», ответила она так же. Когда шепчешь, голос разносится слишком далеко, Лириэль частенько удивляло, как мало людей осознают это. Темные эльфы шепчут, когда хотят быть услышанными – звуковой эквивалент дразнящей улыбки.

«Они перегородили тоннель», хмуро добавила дроу, «и у нас нет времени».

Капитан подумал, потом дотронулся до короткого меча на бедре Лириэль. «Я слышал, что дроу легко может уложить двенадцать гоблинов».

Девушка пожала плечами. Она неплохо обращалась с мечом, а в метании ножей ей почти не было равных, но однако ее умения касались больше магии, а не грубой силы. «Некоторые могут. Я не из их числа».

«Да, но знают ли об этом гоблины?»

Дроу резко обернулась к нему, удивленная что человек предложил столь изобретательное – и при этом простое – решение. Они обменялись короткими понимающими ухмылками, и она кивком одобрила его план.

Хрольф похлопал ее по плечу и вытащил меч. «Иди, девочка. Если уродливые мелкие мерзавцы не перепугаются, я буду рядом».

Несмотря на подозрительность, врожденную и воспитанную в ней жизнью среди родичей, Лириэль поверила ему.

С обнаженным мечом она прошла, невидимая и бесшумная, в круг гоблинов. Затем, отбросив назад пивафви, она приняла угрожающую позу, демонстрируя клинок. «Привет, ребята», мурлыкнула она на гоблинском. «Поиграем?»

Неожиданное появление готовой к бою дроу прямо в их рядах испарило всяческую храбрость, которой могли обладать стражники. Визжа от ужаса, гоблины бросились прочь, бросая вещи и оружие.

Широко улыбающийся Хрольф подошел к дроу. «Отлично сработано! А ты не думаешь, что они вернутся – с друзьями?»

«Ни за что», уверенно ответила Лириэль. «Они же стражники, и они побежали. Если они признаются – им конец». Дроу нагнулась, роясь в оставленных пожитках, а Хрольф выбрал для себя кое что из валявшегося оружия. Поиски Лириэль увенчались находкой нескольких здоровых, проржавевших ключей. Улыбнувшись, она показала их Хрольфу.

Капитан радостно кивнул, понимая какая им сопутствует удача. В темницу его тащили через несколько ворот. Ключи сильно ускорят их бегство, хотя каждые ворота так же охраняются магическими ловушками и как минимум одной разновидностью каких-либо жутких, вооруженных существ. Ни то, ни другое Хрольфу не беспокоило. В отличии от большинства своих соотечественников, он высоко ценил магию, и видел достаточно свидетельств таланта эльфийки в этой области, чтобы доверить ей магическую сторону их бегства. А что до всего остального – ведь теперь у него есть меч, верно?

* * *

Облокотившись на ограждение корабля, Федор из Рашемена взирал на суету и шумиху Скуллпорта. Торговцы, моряки, докеры в сутолоке у гниющих деревянных причалов обсуждали огромное количество всевозможных товаров. Над головой кружились тучи *вайкинов*, своего рода морских летучих мышей, встречавшихся только в подземном порту. Хотя здесь и не было луны, чтобы управлять приливами, а небо, заменял возвышающийся каменный купол, о борт, бесконечным ритмом, эхом пульса далеких морей, билась черная вода.

Бурлящий подземный город, такой непохожий на деревни его родины, не переставал изумлять Федора. Больше всего его поражал мир, во имя торговли царивший между извечными врагами. Дварфы бросали ящики с грузом оркам; люди нанимались на работу к бехолдерам; свирфнебли торговались с иллитидами. Подобная противоестественная гармония была

ему на руку. Бой поблизости – любая драка – могла ввергнуть его в смертельное боевое безумие.

Федор был берсерком, одним из знаменитых воителей Рашемена, великих защитников его родины. Однако в отличие от своих братьев, он не всегда мог контролировать свою ярость, или вызывать по своей воле. Когда Колдуньи, правившие землей Рашемена, стали опасаться, что его приступы могут подвергнуть опасности всех кто находится рядом с ним, ему поручили отыскать украденный артефакт, амулет известный как Ветроход. Его магия была древней и таинственной, но Колдуньи полагали, что с его помощью можно будет связать магическое проклятие молодого воина. Такова была единственная надежда Федора, заставить безумие берсерка подчиняться его воле – амулет, и магия девушки дроу, которая теперь несла его.

Поиски Ветрохода привели его из снежного Рашемена в глубины Подземья, где он встретил прекрасную юную волшебницу. Лириэль оказалась сначала врагом, затем соперником и наконец спутником и другом. Федор проследовал за дроу пол-Фаэруна, и с радостью отправится с ней на Руатим – и не только ради магии, которой она владела.

Глаза юноши, голубые как зимнее небо, беспокойно рассматривали толпы на улицах. Лириэль договорилась о путешествии на этом корабле для них обоих, и пообещала встретиться с ним тут. Она запаздывала. И он мог вообразить слишком много причин, которые могли задержать ее.

«Проблемы?»

Лаконичный вопрос вырвал Федора из пучины терзавших его мыслей. Он повернулся к первому помощнику, краснолицему рыжебородому мужчине, примерно его размера и телосложения. Почти шести футов росту, с могучими мускулами, моряк выглядел как рашеми. Бледная кожа и голубые глаза, знакомая прямота взгляда, открытое лицо с широкими линиями и выделяющимися чертами. Сходство моряка с родичами Федора не удивляло юношу, поскольку у них без сомнений были общие предки. Древние северяне, заселившие Руатим, так же добрались далеко на восток, в Рашемен. «Просто задумался, когда же мы отплываем, Мастер...»

«Ибн», ответил первый помощник. «Просто Ибн. Мы отчалим как только появится капитан».

Федор подождал, надеясь получить более подробный ответ, но Ибн лишь вытащил из-за пояса трубку и вдавил в нее несколько ароматных листков. Проходящий матрос протянул кремень и кресало, и вскоре Ибн пошел прочь, попыхивая с бесстрастно-спокойным видом.

Молодой воин вздохнул, и смирился с неизбежностью. Ему оставалось лишь ждать. Не считая беспокойства о задержке Лириэль, ожидание не было неприятным. Открывавшиеся виды могли приковать его взгляд на многие часы, и сам корабль тоже был более чем достоин внимания. *Эльфийка* была странной комбинацией старого и нового: длинная и изящная, напоминающая древние драккары, она была сбита из легкого, прочного дерева. Однако ее корпус был достаточно глубок для размещения подпалубных помещений, где располагались грузы и тесные спальные места. Небольшие рубки на носу и корме были обвешаны яркими щитами экипажа, состоявшего из прирожденных воинов. Огромный прямоугольный парус и ряд мачт обещал скорость и маневренность в любой ситуации. Однако самой удивительной чертой корабля была гордо возвышавшаяся над узким бушпритом фигура: десятифутовая резная статуя эльфийской девушки. Ярко разрисованная и раскрашенная так, как не могло бы и присниться ни одному когда-либо жившему эльфу, статуя дала кораблю свое имя и вместе с ним веселый, дерзкий ореол, который Федор находил необычным, но привлекательным.

Среди экипажа юноша так же чувствовал себя как дома. Они приняли его как своего, одновременно оказывая всяческое почтение. Федор полагал, что понимает причины этого. Он слышал, что на Руатиме воинам оказываются великие почести, и придается особый ранг. Ничего удивительного, если Лириэль упомянула его дар берсерка, пытаясь получить право на путешествие на корабле с Руатима. Федор не возражал; лучше, если экипаж будет предупре-

жден. С того времени, когда боги бродили по земле, когда магия взбесилась и его боевое безумие стало капризным как ветер, он принимал любую возможную предосторожность, чтобы не причинить вред окружающим.

Первый помощник вытащил изо рта трубку и ткнул ей. «Капитан идет», заметил он. «И не один, как всегда».

Федор посмотрел в указанном Ибном направлении. Огромный светловолосый человек неся к кораблю, поводя внушительным кулаком из стороны в сторону как косой, расчищая себе путь сквозь толпу. Несмотря на размер и короткие ноги, капитан развил невероятную скорость. За ним во всю прыть, с развевающимися белыми волосами, бежала Лириэль. А за ней в свою очередь катился рой размахивающих ножами кобольдов.

«Расступитесь, парни!» проревел капитан, отпихивая с дороги ошеломленного прохожего.

Его экипаж принял такое развитие событий стоически, принимаясь за дело с легкостью и быстротой, говорившими о немалой практике. Ибн перерезал веревки, удерживавшие корабль у причала и встал за руль; другие заняли места на мачте. К изумлению Федора, *Эльфийка* рванулась прочь от гавани, уходя вне досягаемости капитана и его спутницы дреу.

Прежде чем Федор успел отреагировать на такое предательское бегство, капитан остановился. Пробежавшую мимо Лириэль гигант ухватил одной рукой за пояс, так же заставив ее застыть. Свободной рукой он зачерпнул горсть ее перепутавшихся волос вместе с кольчугой. Легко подняв дреу в воздух, капитан занес ее для броска, и на глазах раскрывшего рот в шоке Федора метнул Лириэль ввысь и к кораблю.

Сила капитана и левитационные способности самой Лириэль позволили дреу совершить импровизированный перелет. Выставив перед собой руки, она летела к *Эльфийке* как черная стрела, с широко распахнутыми от восторга глазами.

Федор поймал дреу за руки и мгновенно начал разворачивать ее вокруг, ослабляя силу столкновения и позволяя ей замедлить полет. С каждым кругом дреу теряла скорость, но явно не переставала наслаждаться ощущением. Однако как только ее ноги коснулись палубы, Лириэль вырвалась, и бросилась к поручню.

«Хрольф!» позвала она с ясно отразившейся на лице паникой.

Только через миг Федор сообразил, что это имя, а не свидетельство резкого приступа морской болезни. Лириэль смотрела на причал, где только что стоял капитан. На его месте пританцовывала и вопила толпа кобольдов, быстро уменьшавшаяся по мере удаления корабля.

Желая развеять ее беспокойство, Федор подошел к Лириэль и указал в воду. Внизу под ними капитан сильными уверенными гребками плыл к своему кораблю. «После того, как он швырнул тебя, он сам бросился в воду».

Лириэль кивнула, облегченно улыбнувшись. Затем, в одной из хорошо знакомых Федору резких смен настроения, она вздернула подбородок и пронзительным взглядом уставилась на помощника. «Почему вы медлите? Сейчас же помогите капитану!»

Ибн вздрогнул как от удара, но повиновение приказам давно стало его привычкой, а дреу отдавала их с силой и уверенностью военного вождя. Прежде, чем первый помощник сообразил что делает, он установил руль и бросил за борт свернутую веревку.

Он не промахнулся, Хрольф ухватился за завязанный узлом конец и стал подтягиваться к кораблю. Вскоре он перелез через поручень и встал, весь мокрый, с видом победителя, на собственной палубе.

«Отлично, Ибн», добродушно провозгласил он, шлепнув того по спине и чуть на свалив с ног. «Водяные ворота перед нами; готовься к поднятию».

Но у первого помощника на уме было другое. «Что здесь делает она?» осведомился он прямо, одновременно с коротким кивком, бросая на дреу хмурый взгляд.

Хрольф откинул назад прилипшие волосы и встал лицом к лицу с рыжебородым моряком. «Это Лириэль, принцесса среди своего народа, и волшебница стоящая любого десятка из виденных мною в этом лунном цикле!» объявил он достаточно громко, чтобы его услышали все на корабле. «Кроме того, она оплатила свой проезд. Обращайтесь с ней с должной почтительностью, или ответите передо мной. И знайте: тот, кто посмеет дотронуться до нее, останется без руки».

После капитанской речи наступила ошеломленная пауза. «Но она эльф», запротестовал один из мужчин, следуя типичному для северян недоверию к волшебному народу.

«Она дроу!» испуганно добавил другой, ибо страшная репутация темных эльфов была известна во многих землях.

«Она это она».

Последнее замечание, произнесенное с самым настоящим ужасом, явно подвело итог протестам экипажа. Они закивали, негромко переговариваясь друг с другом, некоторые делали оберегающие жесты.

«Вот что, упакуйте весь этот бред вместе с остальным грузом!» взревел Хрольф, терпение которого похоже истощилось. «Всю свою жизнь я слышал, что женщина на борту означает дурную удачу, но ни разу не видел никаких тому свидетельств! Или моя девочка хоть однажды доставила нам неприятности?» потребовал он, указывая на гигантскую резную фигуру.

«Ничуть, эльфийка приносит везение», задумчиво проговорил кто-то из экипажа.

«Именно», объявил капитан, голос которого зазвенел, мощью и убедительностью не уступающей мастеру актерского искусства. «Шторм никогда не заставлял нас врасплох; никогда создания моря не решали превратить нас в свою трапезу! А где теперь те, кто пророчил, что эльфийка принесет нам беду? Сколько из них спят теперь в объятиях Амберли, а наше время все еще не настало?»

Одинаково сердитое выражение на лицах северян растаяло, сменившись озадаченностью и нерешительностью. Хрольф, явно досконально знавший своих людей, подождал, давая время посеянной идее укорениться. «Я скажу так, самое время чтобы *Эльфийку* почтила посещением одна из ее рода», заявил он. «И потом, у кого кроме черной девочки есть магия, необходимая чтобы прорваться через ворота? С половиной Скуллпорта висящей у меня на пятках, неужто вы думаете, что Хранители отправят нас без вопросов и пошлют нам вслед воздушные поцелуи?»

Спорить с логикой Хрольфа было невозможно, и экипаж знал это. Хранители были наемными магами, поднимавшими корабли через магические запоры, которые вели из подземного порта в Морские Пещеры – непроходимый, усыпанный камнями участок к югу от Уотердипа – и далее из них в открытое море. Эти магические порталы столетия назад установил Халастер, могущественный маг, оставивший печать своего безумия почти на каждом коридоре Подземья, и по сей день врата были единственным путем для кораблей желавших попасть в Скуллпорт или покинуть его. Без дозволения Хранителей – или помощи опытного мага – *Эльфийка* никогда не уплывет из подземного залива. Нравилось им это или нет, но только дроу давала им шанс на спасение.

Лириэль, правда, беспокоили более насущные проблемы. Три небольших корабля, нагруженных солдатами, со смертоносной решительностью нацеливались вслед за *Эльфийкой*. Они неуклонно приближались к большему кораблю; битва казалась неотвратимой.

Страх, эмоция настолько новая для Лириэль, что она даже не знала названия для нее, бился комом в ее горле. Никогда она не уклонявшаяся от схватки, она знала, что если к бою присоединится Федор, темные воды скоро согреет кровь. Дроу не могла допустить этого.

Она повернулась к Хролфу. Буян уже заметил надвигающуюся угрозу, и глаза его поблескивали от предвкушения. «Покажи мне место внизу, куда я могу отправиться», потребовала она. «Федор пойдет со мной и будет охранять, моя работа не должна быть прервана». Глаза Хрольфа упали на темный меч Федора, и след разочарования мелькнул на его лице.

«Делай как мы договорились, и все будет в порядке!» добавила Лириэль тоном, не доволявшим спора.

Хрольф сдался, вздохнув и пожав плечами. «Ну ладно, парень, тогда вот твои приказы: Не позволяй никому пройти люк, пока наша волшебница не освободит тебя».

Федор кивнул, услышав и слова капитана, и то, что в них содержалось. Хрольф повелевал на этом корабле, а берсерк обычно следовал приказам командира даже ценой жизни. Капитан знал это, и формулировал слова соответствующе. Следуя за Лириэль по короткой лестнице в темноту трюма, Федор позволил себе надежду, что сможет выполнить отданный приказ. Капитан помедлил, не закрывая люк. «Удачи тебе, девочка. А ты позаботься о ней». Он кинул на Федора проницательный взгляд и подмигнул. «Впрочем, ты и так знаешь об этом, верно?» Люк со стуком захлопнулся, потом донесся скрип чего-то тяжелого, перетаскиваемого чтобы замаскировать отверстие. Сердитые голоса зазвучали ближе, и Лириэль с Федором расслышали короткий звон спущенной тетивы. Надо всем звенел голос Хрольфа, радостно отдававшего указания своим людям.

«Я не могу сконцентрироваться в таком шуме», проворчала Лириэль. «Подойди поближе – сядь здесь, рядом. Я собираюсь вызвать сферу тишины. Битву слушать тебе не обязательно – просто следи за люком, и убивай любого кто попытается подобраться ко мне».

Федор спрятал улыбку, устраиваясь на деревянном полу рядом с другом. Деловая манера дру ни на миг не обманула его. Если об этом пойдет речь, она просто заявит что поступает практично; она слишком гордилась путями темных эльфов, чтобы признаваться в заботе о других. Практичной она действительно была. Федор не настолько хорошо знал экипаж, чтобы отличить врагов от союзников, а в хватке боевой ярости он будет сражаться до тех пор, пока не погибнет, или рядом не останется противников. Все же, он не мог бороться с соблазном дать понять Лириэль, что он видит насквозь ее маленькую хитрость.

«Чтобы сторожить, мне не мешает свет», спокойно заметил Федор.

Комнату немедленно залило мягкое сияние магического огня. Лириэль бросила на него долгий подозрительный взгляд, но если и распознала дружеское поддразнивание, то виду не подала. Возвращаясь к делу, она открыла маленькую книгу заклинаний, и достала из сумочки вещи, которые ей понадобятся для сотворения магии.

Заклинание было тяжелым, одним из самых сложных в книге магии порталов, подарке ее отца, великого архимага Мензоберранзана. К тому же, оно было одним из самых необычных, позволяя личности или сущности пройти сквозь установленные ворота вместе с открывшим их путешественником. Лириэль могла только надеяться, что корабль с экипажем можно рассматривать как сущность.

Она вошла в глубокую концентрацию, требовавшуюся для столь серьезной магии, раскачиваясь всем телом, жестами втягивая силу из потока магии и подчиняя ее своей воле. Тем не менее, она не оставляла без внимания разгоравшуюся наверху битву – вопреки ее словам, магическая тишина окружала только Федора – и прислушивалась, дожидаясь сигнала Хрольфа. Сотворив заклинание она застыла без движения, обхватив руками сферу вызванной силы, готовясь высвободить ее когда настанет момент. Наконец, послышался сигнал: быстрая последовательность ударов и пауз, о которой договорились они с Хрольфом. Другой корабль проходит сквозь магические печати; время для *Эльфийки* присоединиться к нему.

Руки волшебницы взмыли ввысь, выпуская магию. Мир вокруг беспорядочно задрожал. Лириэль подхватил поток, рев падающей воды и круговерть цветов сошедшей с ума радуги. Ее физическое тело казалось растворялось, а разум превратился в хаос заполненной толпой комнаты. Дру ощутила, по отдельности и все вместе, мысли и страхи всех и на этом корабле, и на другом. В этот момент она знала всех по именам, и могла сказать, что каждый делает. Многогранная четкость длилась один удар сердца, прежде чем множество разумов объединились

в одной эмоции: ужасе. Это падение барьеров, неожиданное, неизмеримое единство выходило за границы всего, что могли вообразить большинство из них.

И тут, так же неожиданно, как и началось, заклинание закончило работу. Открыв глаза, Лириэль к своему облегчению обнаружила себя и все вокруг в целостности и сохранности – не слившиеся досками и жилами с другим кораблем и находившимися на нем. Таков был риск этого заклинания, даже если речь шла просто об одном маге, следующем за другим. Отец предупреждал ее, рассказывая истории о магах, навечно слившихся после применения такого заклятия, и сошедших с ума в тщетных попытках разделить одно тело между двумя разумами.

Лириэль потянулась, пальцем разрушив защищавшую ее друга сферу тишины, почти как ребенок, протыкающий мыльный пузырь. «Все закончилось», сказала она, и на ее лице расцвела радостная улыбка. «Пойдем, посмотрим на звезды!»

Федор искренне ответил на ее улыбку своей. Он тоже тосковал по этому виду за время их пребывания в пещерах вокруг Скуллпорта. Все еще чувствуя себя немного не в своей тарелке после магического перемещения, он плечом приподнял люк, и выполз на палубу.

Под сверкающим звездным небом люди с *Эльфийки* стояли, уставившись на столь же опарашенные лица экипажа корабля, плескавшегося рядом, почти борт о борт.

Хрольф первым пришел в себя, и взревел, приказывая своим бросить оружие и взяться за весла. Федор так же сел за весло, и вскоре корабль уже ушел далеко от их невольного проводника. Когда стало ясно, что их не собираются преследовать, Хрольф поднял паруса, и отпустил гребцов на отдых.

Федор направился по палубе к месту, где стояла Лириэль, поглощенная созерцанием звезд. Странно, но ему придавало уверенности знание, что прожившая почти всю жизнь под землей может всей душой любить небо, его многоцветие и краски. В такие мгновения Федор мог поверить, что у него с прекрасной дреу на самом деле не так уж много различий.

Неподалеку от Лириэль стояли капитан и первый помощник, занятые разговором. Федор не собирался подслушивать, но голос Хрольфа разносился в тихом ночном воздухе не хуже охотничьего рога.

«Ну что же, появился еще один порт где нам какое-то время не будут рады! Придется добавить Скуллпорт в это число», сказал Хрольф.

«Похоже на то», согласился его собеседник.

«Зато остановка была того достойна, и хорошая драка под конец!»

«Это верно. Но груз потерян».

Капитан подмигнул. «Не беспокойся. Наверстаем по пути домой, и больше чем было!»

Федор замер, шокированный наконец-то пришедшим пониманием. Быстро оправившись, он торопливо подошел к Лириэль, и ухватив ее за руку потянул прочь от разрабатывавших планы моряков.

«Ты должна кое о чем узнать», сказал он тихим тревожным голосом. «Боюсь, это пиратский корабль!»

Дреу посмотрела на него с искренним недоумением в янтарных глазах. «Да», медленно ответила она.

Он отошел на шаг, пораженный. Лириэль уже знала, и не придавала этому никакого значения. Хотя, неясно с чего бы ему удивляться. Девушка обладала сильным характером. Она доказала свою верность дружбе, и даже демонстрировала своего рода свежепроклевывающееся благородство. Однако в дополнение к этому она была безжалостно практична, а к морали относилась с презрением дикой снежной кошки. В ее жизненном опыте мало что могло подготовить ее к пониманию более жесткого кодекса поведения Федора.

«Лириэль, эти люди бандиты!» попытался он объяснить.

Дроу фыркнула и яростно всплеснула руками. «А что во имя Девяти Адов ты ожидал? Подумай хоть немного Федор. Ты не полагаешь, что для дроу будет довольно трудно устроиться на корабль доверху загруженный паладинами? Да еще из Скуллпорта?»

Федор помолчал, признавая справедливость ее слов и пытаясь найти равновесие между честью и необходимостью.

«Ну?» потребовала Лириэль, уперев кулаки в бедра и с вызовом подняв снежную бровь.

Юноша улыбнулся, но без радости. «Похоже, вороненок, это морское путешествие окажется интереснее, чем я предполагал», сказал он, намеренно используя данное им прозвище, чтобы развеять ее гнев.

Лириэль мгновенно расслабилась, и взяла его под руку. «Вот она, проблема людей», заметила она пока они приятельски прогуливались по освещенной звездами палубе, «Вы никогда не ожидаете и половины того, что должны. Один – два шага вперед, и вам кажется, что уже хватит!»

«А проблема с дроу», подразнил ее в ответ Федор, «в том, что ты никогда не перестаешь думать. У тебя всегда работает лишь голова, а не сердце».

Но девушка покачала головой, глядя в блестящими глазами в бесконечное звездное небо. «Есть те кто думают, и те кто мечтают», тихо проговорила она, повторяя одно из любимых выражений Федора. «Но лично я отказываюсь выбирать между тем и другим!»

Глава 2

Шторм надвигается

Ранней весной северные моря холодны и негостеприимны. Огромные плавучие глыбы льда делают навигацию опасной. Стада китов отправляются на север, возвращаясь в холодные воды их летнего дома, и добавляя неприятностей кораблям. Перемещаются и другие, более опасные создания. Жестокие зимы Севера вынудили их искать убежища в морской бездне. Теперь, с приходом весны, они пробуждаются из спячки и ищут поверхность, а вместе с ней и пищу. Их существованию никогда не находилось живых свидетелей, но эти существа оставляют за собой доказательства своей способности топить корабли и пожирать целые команды.

Прибрежные воды к северу от Лускана, более известные как Море Движущегося Льда, особенно опасны, и Каладорну Кассалантеру пришлось постараться, прежде чем он нашел корабль, отправлявшийся так далеко. Наконец он купил место на борту *Резца*, торгового кога, каждый год путешествовавшего на север в это время, когда, на скалистых островах и больших ледяных полях, морские львы порождают свое потомство. Охота на детенышей дело малопривлекательное, но купающиеся в роскоши аристократы Уотердипа давали хорошие деньги за шелковистые белые шкурки. А с ростом пиратства, даже в это неблагоприятное время года, капитан корабля с радостью принял предложенный Каладорном меч для защиты ценного груза.

Семья Каладорна была одной из богатейших среди аристократии Уотердипа, но молодой человек оставил позади имя, ранг и привилегии, избрав собственный путь. Как бы он не старался, даже в простой одежде он выделялся среди экипажа. Широкоплечий и высокий, он носил оружие и передвигался с размеренной грацией опытного бойца. Природная, бессознательная гордость в осанке и уверенность в глазах не подходили избранной им маске скупящего юноши из благородного дома в поисках приключений. Каладорн был одним из тайных Лордов Уотердипа. Тревожные слухи, предвестники неизвестного надвигающегося конфликта, довольно давно беспокоили юг. Каладорн направлялся на север в поисках ответов.

Солнце только поднялось, и молодой Лорд стоял первую вахту в вороньем гнезде. Незавидное место. Тяжелый туман саваном стелился над водой, пропитывая плащ, превращая его темно-рыжие волосы в соленые сосульки. Но все мысли о неудобствах исчезли перед представшим его взору видом.

Из тумана медленно появился корабль, двигаясь к ним как огромный, бесшумный призрак. Паруса свисали клочьями, но флаг – яркое шелковое полотнище, объявлявшее о принадлежности корабля флоту Уотердипа – реял на леденящем ветру.

Каладорн поднял тревогу, и ловко скатился по веревке на палубу. Большая часть команды с оружием в руках собралась по левому борту. Каладорн протолкался к бывшему наемнику, а ныне капитану, крепкому, чернобородому Фарлоу. Ходили слухи, что во время сражения Фарлоу расправлялся с врагами с тем же ледяным спокойствием, с которым убивал тюленей детенышей. Сейчас репутация капитана только радовала Каладорна.

«Что ты думаешь об этом?» спросил он, кивая в сторону покинутого корабля. «Работа пиратов?»

Фарлоу мотнул головой. «Не тех, что плавают в здешних водах. Ни один северянин не оставит хороший корабль – они обожают их, как большинство людей жаждут холодного эля и теплой женщины. И взгляните на палубу», добавил он. «Бочки рядами, стоят как на подбор. Пираты разобрали бы все по кусочкам, и утащили любую ценность».

«Что же случилось с экипажем?» задумался один из охотников. «Мор?»

«Маловероятно в такое время», ответил Каладорн. Корабли в далеких путешествиях бывало подбирали вместе с грузом какую-либо смертельную болезнь, но эта беда обычно при-

ходит летом. «Корабль не мог дрейфовать так долго. Без управления он бы не пережил зиму во льдах. К тому же, вы видите флаг? Такой ветер раздерет его за несколько дней, или даже часов».

Капитан бросил на молодого аристократа быстрый взгляд. «Значит, ловушка?»

«Возможно», признал тот, поняв в каком направлении работают мысли Фарлоу. Корабль из Уотердипа, появляется на известном маршруте торгового судна загруженного дорогими шкурками? К тому же этот корабль-призрак был каравеллой, одним из быстрейших и самых надежных типов, которыми по праву гордились верфи Уотердипа. Несколько из них пропали в морях за последние сезоны. Ничего странного, учитывая опасности подобных занятий и прихоти Амберли, непредсказуемой богини морей. Ровным счетом ничего странного, если не считать, что два таких корабля недавно появились в южных портах под цветами Руатима.

У Каладорна не возникало сомнений, что и это судно также стало добычей северных разбойников. Но он подозревал, что дело не только в этом. Ему доводилось сражаться и вместе с людьми Руатима и против них, и он знал их как гордых и отважных воинов. Добытый корабль в их руках ринулся бы в битву, а не использовался для засады. И все же, очень похоже было что каравеллу действительно оставили здесь, чтобы они нашли ее. Не ловушка, решил он, но послание.

«Я отправляюсь туда», объявил Каладорн. «Если пожелаете, держите *Резец* на безопасном расстоянии. Я прошу лишь, разрешите мне использовать спасательную лодку, и подождите, пока я расследую происшедшее. В чем бы ни было дело, в болезни или пиратстве, слово о судьбе корабля должно дойти до города».

Капитан почтительно кивнул. Как все моряки, он знал, что каждый потерянный корабль высматривают десятки глаз. Те, кого неудача заставила любить пропавшего моряка, никогда не перестанут вглядываться в морскую даль со смесью надежды и ужаса. Когда ожидание растягивается на годы, а любовь становится призрачной тенью, даже плохие новости лучше, чем вообще никаких.

Провести крошечное суденышко по волнуемому морю оказалось сложнее, чем ожидал Каладорн, но в конце концов он очутился на палубе покинутой каравеллы. Быстро обыскав ее сверху донизу он не обнаружил ни экипажа, живого или мертвого, ни каких либо следов минувшей битвы. Наконец, отчаявшись найти какие-либо свидетельства случившегося, он решил осмотреть оставшийся груз.

Подняв с помощью кинжала деревянную крышку первой бочки, он ощутил знакомый солоноватый запах – рассола, использующегося для сохранения весеннего улова сельди. В жидкости плавали длинные, гладкие нити, зеленые как водоросли, но странно напоминавшие что-то...

Каладорн закатал рукава и двумя руками ухватился за зеленые пряди. Резко потянул, ожидая увидеть перед собой клубок странных водорослей. К своему ужасу, он обнаружил, что смотрит в открытые, мертвые глаза морской эльфийки.

Даже в смерти она осталась прекрасна, рассол сохранил в неприкосновенности тонкие черты и сложный узор кожи, но разуму Каладорна сейчас было не до таких наблюдений. Дрожаящими руками он осторожно опустил эльфийку в страшный гроб. Позволив себе передышку чтобы собраться с силами и успокоиться, он вскрыл остальные бочки, около дюжины. В каждой из них оказалось тело морского эльфа.

Мысли молодого Лорда беспорядочно метались, пытаясь найти какой-то смысл в этом зверстве. Известно, что люди Севера не питали большой любви к эльфам. Это было столь же верно для варваров тундры, как и для мореплавателей Лускана, Руатима и северных Муншае. Но кто может пойти на такое, и зачем? И для чего понадобилось, чтобы мертвых морских эльфов нашли на корабле Уотердипа?

На ум приходило множество вариантов, один хуже другого. Были слухи о недавних нападениях на поселения морских эльфов. Возможно, это была просьба о помощи; быть может

сами эльфы оставили товарищей, павших в бою, надеясь доставить до Уотердипа сообщение, которое не смели принести сами. В конце концов, флаг на борту так далеко от дома это хорошо известный сигнал бедствия. Но Каладорн отверг эту идею как только она появилась. Было непохоже, чтобы гордые эльфы стали бы так унижать своих соплеменников.

Возможно, какая-то группировка среди северян объявила войну морским эльфам, из-за спора о правах на ловлю рыбы, или, более вероятно, просто ради развлечения. Северяне наслаждались звоном оружия, – многие из них поклонялись Темпусу, богу битв, – и слишком долгое время были лишены возможности повоевать. Несколько лет назад Уотердип и союзные ему города вынудили враждовавшие Руатим и Лускан заключить мир. С тех пор резко возросло пиратство и нападения на береговые деревушки стали обычным явлением. Жизнь была куда легче, угрюмо подумал Каладорн, когда северяне дрались между собой, и оставляли других в покое.

Он осторожно закрыл крышки и начал перегружать бочки на *Резец*. У него не возникало сомнений, что тела необходимо доставить в Уотердип. Каладорн знал, что эльфы неохотно тревожат ушедших за грань этой жизни, но возможно найдется служитель в эльфийском храме, который согласится вызвать дух одного из погибших. А если ни один из жрецов не услышит доводов разума, Каладорн найдет того, для кого убедительным покажется острие меча.

Пусть другие Лорды беспокоятся насчет дипломатии. Эта загадка касалась его возлюбленного города, и он намеревался получить ответ, любой ценой.

* * *

Ретнор стряхнул снег с сапог у входа в зал совета. Эту простую комнату, выстроенную, согласно традициям северян, с переплетением открытых деревянных балок, занимал огромный стол из кедра и пять жестких кресел. Единственными уступками комфорту были пылающий каменный очаг, занимавший целую стену, и присутствие служанки, подносившей эль или мед. Вручив ей шерстяную шапку, Ретнор занял свое место за столом, где его уже ожидали остальные Старшие Капитаны Лускана.

Всего Капитанов было пятеро, в их задачу входило управлять городом и следить за его торговлей и усилением. Лускан был сильным и процветающим портом, контролировавшим немалую часть торговли ценностями северных земель. Серебро из шахт Мирабара, лес с окраин гигантского Ларквуда, рыба кость из Десяти Городов, оружие дварфьей ковки – все проходило через таможни Лускана и отправлялось с его кораблями. И все же ни один из присутствовавших мужчин не был удовлетворен богатствами Лускана, или его границами.

«Твой отчет, Ретнор?» потребовал Таэрл, сегодня исполнявший обязанности Первого Старшего Капитана, и председательствовавший в совете. Все пятеро занимали эту позицию по очереди, сменяясь с новой луной и отливами. Древний обычай помогал удерживать амбициозную пятерку от бесконечных схваток за лидерство.

«Наш план завоевания Руатима выполняется как намечено», начал он.

«Выполняется как намечено?» Сулжак, далекий родственник Ретнора и постоянный соперник выплюнул слова как кусок гнилого мяса. «Мы так размягчились, что даже наши слова ослабели? Победа», провозгласил он подчеркивая свое утверждение ударом кулака о стол, «Вот что нужно воинам». Ретнор откинулся в кресле, с безразличным видом дотрагиваясь пальцами до перевязи меча. Он был лучшим бойцом в комнате, и все прочие знали это. С позиции силы он мог предлагать тонкую стратегию, которая стала бы предметом насмешек и презрения, исходи она от меньшего воина.

«Руатим слаб, и продолжает слабеть с каждым днем», продолжил он ровным голосом. «Пока что нам удалось достичь этого не вызывая подозрений Уотердипа и их так называемого Союза Лордов. Продолжая так же, мы сможем завоевать остров одной решительной атакой.

Уотердип и его прислужники будут гораздо менее активно возражать, если поставить их перед свершившимся фактом, но долгая война наверняка привлечет внимание сующих нос не в свое дело южан».

«И что с того? Я не боюсь Уотердипа!» прорычал Сулжак.

«Я тоже», парировал Ретнор. Но должен ли я напоминать тебе, родич, что Уотердип прекратил нашу последнюю войну с Руатимом. Мы были так близки к успеху, но потеряли все!»

«Мы обречем славу в открытом бою!» настаивал Сулжак.

«Нет никакой славы в упрямом нежелании учиться у прошлого!» прогремел Ретнор, потеряв терпение. Его холодный взгляд уперся в Сулжака, приглашая его сделать персональный вызов. Остальные отвернулись, погрузившись в насупленное молчание.

«Я ненавижу мягкотелых южных трусов не меньше любого из вас», вставил Барам, старейший из членов совета, и самый склонный к компромиссам. «Но еще больше мне не нравится мысль стать таким же как они. Мы воины, Ретнор. Хитрость не наше лучшее оружие, и мне бы не хотелось, чтобы оно стало главным».

«Это лишь одно оружие из многих», ответил Ретнор. «Наши флоты, наши воины – их время еще настанет. Мы не можем завоевать Руатим и править морями без них. Когда настанет момент, мы ударим».

«И как мы узнаем, что этот странный плод созрел?» осведомился Таэрл.

«Я дам знать», просто объявил Ретнор. «Я подослал шпионов в моря окружающие Руатим, и на самом острове».

«Им можно доверять?» вставил Курт, суровый и подозрительный человек, с характером таким же черным, как его борода.

«Я обеспечил их верность».

В воздухе повисла напряженная тишина. Голос Ретнора был ледяным, а лицо застыло так, что прочие не могли не задуматься, какую цену он назвал, какие методы применил.

Наконец Первый Старший Капитан прочистил горло и кивком выразил согласие с планом Ретнора. «Мы подготовимся к атаке и будем ожидать твоего слова. Сулжак и Курт, вы проследите за подготовкой торговых кораблей к битве. Барам, начинай набирать воинов для вторжения». Он повернулся к Ретнору. «Все прочие детали оставляем тебе. Ты единственный среди нас любишь интриги не меньше чем битвы».

Отвращение в голосе Таэрла не ускользнуло от Ретнора. «Одно оружие из многих», повторил он, кладя ладонь на рукоять немало потрудившегося меча. «Мой клинок жаждет крови, ожидание не продлится дольше необходимого».

В словах Ретнора звенела истина, а волчья улыбка на его лице возвещала о предвкушении сражений. Члены совета кивнули, одобрительно и облегченно. У Ретнора изредка могли появляться странные идеи, но прежде всего он всегда оставался северянином.

* * *

Шакти Ханзрин шла по коридорам Дома Ханзрин, игнорируя стражников и слуг, скользивших сквозь темные залы. Как большинство дроу Мензоберранзана, они были тихи и незаметны как тени, магически обретшие плоть. В отличии от них, Шакти представлялась вполне вещественной, с походкой подвергавшей сомнению прочность каменного пола и фигурой почти не уступавшей в обхвате человеческой.

Ее таланты так же были редкостью среди дроу. Шакти была умелым управленцем, и никогда прежде за всю историю города эти способности не требовались так сильно как сейчас. Последствия войны привели хаос Мензоберранзана на грань катастрофы. Истощились запасы пищи; разрушалась торговля. Большинство благородных семей разводили грибные рощи в стенах своих владений, дабы обезопасить себя от угрозы отравления со стороны враждебного

клана, – но простонародье все чаще голодало. Шакти занималась этой проблемой, прилагая все усилия к восстановлению поголовья ротов и заброшенных полей. Она так же не забывала придавать своим трудам всеобщую известность. Простые жители Мензоберранзана не заботились, кто согревает троны Правящего Совета. Прежде всего их интересовало, чтобы их дети были сыты, и работал рынок, на котором они могли бы продавать свои изделия. Медленно, но неуклонно Шакти строила для себя силу особого рода, основанную на повседневных нуждах большинства дреу города.

Однако она не забывала, что власть пока сосредоточена в руках матриархии, и почти любая жрица Мензоберранзана жаждет подняться во главу своего клана и упрочить ранг и положение дома. Не случайно старшая сестра Шакти, наследница Дома Ханзрин, слегла с редким смертельным недугом.

Шакти намеревалась играть в эту игру, не теряя при этом из виду глобальные цели, широкие перспективы.

Молодая жрица вошла в свою комнату, не забыв запереть дверь и магически защитить ее от возможных наблюдателей. Обезопасившись, она облегченно вздохнула, и стала массажировать ладонями гудевшие виски. У Шакти часто болела голова – результат напряжения глаз, необходимого, чтобы рассеять туман, в который был погружен ее мир. С рождения близоручая, она шла на отчаянные усилия, чтобы держать свою болезнь в секрете. Постоянная борьба с желанием прищуриться заставляла ее выглядеть лупоглазой. Жреческие заклинания смогли бы улучшить ей зрение, но ни одна дреу не посмеет признаться в физическом дефекте.

Однако когда в ее расплывающемся поле зрения появились самые драгоценные ее сокровища – змееголовый бич, знак принадлежности к числу высших жриц Лолт, и наблюдательная чаша, дар Ваэрауна, бога воровства, – у нее появилась смелая идея. Если боги решили наградить ее такими дарами, почему бы ей не обратиться к ним напрямую, прося об исцелении? Что лучше сможет символизировать ее далеко идущие планы?

Ибо целью Шакти было вернуть дреу их древнюю славу. Согласно Наставлениям Лолт, дреу предназначено было сначала завладеть Подземьем, а уже затем, распространяясь, уничтожить низшие расы эльфов. Ваэраун же поощрял темных эльфов добывать себе место на поверхности незамедлительно. Будучи одновременно жрицей Лолт и Ваэрауна, Шакти смотрела на жизнь шире, чем могло представить большинство населения города. Почему бы ее зрению не прийти в соответствие с ее дальновидностью? Сказано – сделано. Шакти распростерлась на полу, истово молясь богине и богу дреу.

Ответом пришла ослепительная вспышка боли втекающей в жрицу исцеляющей магии – слишком сильной. Даже в этом соревновались соперничающие божества.

Шакти билась в конвульсиях под действием проходивших сквозь ее тело волн силы. Завывая от боли, жрица ухватилась за первую попавшуюся под руку вещь – золоченую раму зеркала. Отраженные глаза уставились на нее, широко распахнутые, изумленные, пылающие красным огнем.

В уголке разума Шакти, куда не пробилась боль, появилось ощущение почти детского восторга. В зеркале отражалась комната в таких деталях, которых молодая дреу никогда не видела и даже не могла себе представить. Заголовки книг на полках, тонкие детали резных горгулий, украшавших камин, слой пыли на столе – надо будет выпороть слугу за такую небрежность – заметила она бессознательно – все было резко, отчетливо видимо. Лолт и Ваэраун откликнулись на ее просьбу.

Последний болезненный стон Шакти перешел в звенящий радостный смех.

Жрица пришла в себя намного позже. Осторожно приняв сидячую позу, она обнаружила, что боль пропала, оставив лишь неестественную умиротворенность, граничившую с эйфорией. Ей достаточно было просто смотреть и видеть.

Но этот момент прошел быстро, и отныне острый взор Шакти ушел вовнутрь, рассматривая ее цели. Она нашла лекарство для своей близорукости – явный знак того, что этот приговор не был окончательным и неизменным. Раз получилось для нее, то же будет и с Мензоберранзаном. Она сыграет по правилам – станет Матроной-матерью дома и проследит за продвижением клана в статусе – а затем использует свою власть, чтобы оторвать глаза дроу Мензоберранзана от непрерывной междоусобной войны, направить их взор из единственной пещеры в окружающий мир. Широкие перспективы, новые возможности. Для достижения этого существовало множество путей, и Шакти намеревалась задействовать их все.

Жрица обезопасила свои покои дополнительным слоем защитных заклинаний, и приказала личным охранникам – паре каменных големов в форме дроу – охранять дверь. Големы были великолепными стражами, неспособными к мысли или предательству. Обезопасившись, она поместила на стол чашу, осторожно наполнила ее из сосуда с еще теплой кровью и поставила около свечи.

Внезапно Шакти вспомнила о последней картине, полученной ей с помощью чаши через глаза умирающего мага Нисстира: издевательские слова и прекрасное лицо Лириэль Баэвре. Перехитрив мужчину трижды проклятая принцесса снова обыграла Шакти. Новообретенной самодисциплиной, Шакти отбросила прочь знакомую ненависть и зависть, каждый раз пробуждавшиеся в ней при мыслях о Лириэль, и сфокусировалась на тех шагах, которые надо было предпринять для мщения.

Лириэль владела человеческим артефактом, позволявшим ей использовать магию дроу на поверхности. Возвращение артефакта являлось одной из важных частей общего плана Шакти. Ее союзнику Нисстиру это почти удалось, но проклятие дроу – быстро подступающая ярость и испепеляющая жажда мести – подчинили Шакти, и привели к двойной потере партнера и амулета. Она не позволит себе подобной ошибки второй раз.

Спокойный расчет дальнейших действий. Во время той встречи принцесса Баэвре находилась в подземном портовом городе, сражаясь с Нисстиром и его торговцами Драконьей Сокровищницы – последователями Ваэрауна. Несмотря на смерть их лидера, Шакти намеревалась возродить связи с торговой группой, они были полезны в качестве источника информации и товаров с поверхности. Но чтобы найти ускользнувшую противницу Шакти нуждалась в более прямом подходе, и союзниках могущественней чем торговцы-дроу.

Смелые шаги. Нестандартное мышление. Вот что ей нужно. Обхватив ладонями чашу, Шакти начала читать заклинание, которое должно было открыть окно в иной план. Не Бездну – первейший выбор дроу в поисках силы и союзников – поскольку немалую часть ее работы нужно держать в тайне от жречества Лолт, а обитатели Бездны знамениты любовью к предательству. Да они и не обладали властью там, где пребывала сейчас Лириэль. Нет, Шакти стремилась в другие, менее известные места – элементальный план воды.

Дроу обладали большим опытом путешествий по Нижним Планам, но с элементальными почти не имели дела. И все же, рассудила Шакти, если Лириэль отправляется в странствие по гигантским водным просторам поверхности, где еще Шакти удастся разыскать лучших помощников? Это умение досталось ей дорого, отвратительное создание Бездны показавшее ей путь на план воды вырвало у жрицы страшную клятву... Шакти быстро отмахнулась от воспоминания. Она не собиралась раздумывать о своем самом темном секрете пока в этом не будет необходимости.

Жрица вглядывалась в чашу, наблюдая, как темнеет и чернеет кровь, приобретая глянцево-отблеск. Затем исчезли все цвета, чаша казалась наполненной призрачным туманом.

Шакти усилила концентрацию и мысленно слилась с этой дымкой. Ее резко дернуло, последовал миг замешательства и затем она очутилась среди вихрящихся клубов тумана. Мимо нелепо извиваясь проплыл гигантский угорь с чешуей радужного цвета. Дроу чуть не охватила паника, когда она поняла, что затея удалась. Сдержавшись, Шакти напомнила себе, что она не

присутствует здесь в полном смысле этого слова. На элементарный план отправился лишь ее дух, оставив физическое тело надежным заботам големов. Ничто здесь – ни странная вода, ни существа ее населяющие – не могут повредить ей. Она пошла сквозь чуждое окружение, наслаждаясь двойным ощущением вещественности движений и отсутствующего веса тела, изумляясь тому, что вода течет сквозь нее легко как воздух.

Впервые Шакти решила, что понимает, почему Лириэль Баэнре так хотела исследовать земли поверхности. В этом непривычном месте ей открывались изумительные вещи, и новые глаза впивались в каждую странную деталь.

На дальнем краю водного ландшафта находилось странное зрелище: туча бурлящих и клокочущих пузырьков. Это было живое существо, пусть и непохожее ни на что, когда-либо виденное или представлявшееся Шакти. Несмотря на отсутствие формы, у него хватало разума и стремлений. Странствующий дух дреу воспринял бушующие эмоции создания – ошеломляющее чувство недовольства, раздражения и ярости, – и повернулся, следуя к их источнику.

Дреу была рада узнать, что даже здесь попадаются разочаровавшиеся существа, жаждущие разорвать связывающие путы традиций. Они были как оторвавшиеся нити, ищущие новый упорядоченный узор, который сами еще не в состоянии определить. Шакти с удовольствием предоставит им такой. У нее хватит предвидения на всех, чтобы с легкостью вплести любое число освободившихся нитей в растущую паутину собственной власти.

* * *

На поверхности воды, рядом с маленькой лодкой ушедшей прочь от берега Руатима, подрагивал свет убывающей луны. Весенняя ночь была холодна и безоблачна, и каждая звезда в северных небесах горела с хрустальной чистотой. Единственный пассажир лодки, защищенный от холода плащом с капюшоном, устроился среди кучи сырых пузатых мешков – необычный груз, который без сомнений приведет в будущем немало руатимцев к смерти.

Весла тихо окунались в воду, уводя лодку за мелководье, где народ Руатима любил плавать и собирать моллюсков при отливе. Время от времени моряк мельком бросал взгляд на звезды, которые казалось наблюдали за ним мириадами обвиняющих глаз.

Но лодка двигалась неуклонно, каждый удар весел расплескивал отраженную луну как разбитые надежды. Время от времени тихий ритм прерывался и гребец останавливался, чтобы бросить в воду очередную порцию семян, из которых вскоре родятся горькие плоды.

Ночь подошла к концу прежде чем опустели мешки, и вот уже луна начала опускаться за лесистые холмы Руатима.

Одиноким моряком ускорил ритм гребли, поскольку оставалось невыполненным еще одно дело. Этой ночью в тихую деревню придет смерть, дух того, кто мог бы стать героем займет свое место в пиршественных залах Темпуса, бога битв. И место это не будет почетным. Его не ждет славная смерть, свидетельство храбрости, лишь злой дар от руки друга. Именно это, больше чем даже само убийство, было глубочайшим предательством.

Под шорох гальки лодка ударилась о берег. Убийца торопливо вытащил суденышко на сухую землю и закрепил его на положенном месте. Портовая деревня Руатима спала, – даже рыбаки все еще лежали в постелях. Но скоро люди начнут просыпаться, и закутанная в плащ фигура покажется подозрительной. Поэтому убийца откинул капюшон и открыто направился по улицам к дому молодого военного вождя. Если кто и увидит, вопросов не возникнет.

И так, в предрассветной тишине, пришла смерть, с единственным быстрым ударом. Один удар – его хватило, чтобы украсть славу одного из руатан и разрушить честь другого. Убийца знал, что единственный взмах кинжала отправит в залы Темпуса и многих других, потеря лидера тяжким грузом ляжет на веса удачи, удачи которая отвернется от Руатима в грядущей войне.

Убийца выбрался на улицы, радуясь, что ничего не подозревающие жители спят. А возможно они и знали, народ, с детства привыкший читать изменчивое настроение моря и неба. Возможно, они беспокойно ворочались во сне, видя надвигающийся шторм несмотря на чистое небо и спокойные ветры.

Глава 3

Открытое море

Сквозь единственное застекленное окно, немногим шире ладони Лириэль, в каюту Хрольфа пробивался узкий луч света. Дроу сидела на койке скрестив ноги, вокруг валялись ее книги. Тусклый свет, окрашенный заходящим солнцем в розоватые тона, почти не рассеивал сумрак крохотного помещения, но для нужд волшебницы дроу такого освещения вполне хватало.

Наконец, она закрыла книгу заклинаний и потянулась, разминая затекшие за несколько часов занятий, мышцы. Встав, она подошла к окну, наблюдая за слабеющими закатными цветами, ожидая пока придет ее время, время звезд.

Лириэль привыкла к яркости земель поверхности, но светлое время суток на море было совсем иным. Бесконечная протяженность моря и неба, сверкающая, слепящая голубизна. Даже в пасмурные дни отсвет серых вод жалил ее глаза. И беспощадное солнце, придававшее человеческой коже коричневый оттенок, заставило ее гореть уже через день плавания. Никто кроме Лириэль не мог заметить ожоги на черной коже – для ее теплочувствительных глаз, ее лицо и руки сияли как расплавленная сталь – пока на следующий день не появились волдыри. Раздосадованный Хрольф, разозлившись на собственную несообразительность, настоял, чтобы дроу заняла его каюту. Теперь удлиняющимися весенними днями Лириэль укрывалась, отсыпаясь и готовя свои заклинания, и каждый день она дополняла хранившийся в Ветроходе запас сил.

Молодая волшебница прикоснулась к золотому амулету, висевшему у нее над сердцем. Ветроход не выглядел впечатляюще, простой кинжал древней работы в ножнах, с золотой цепочкой. Но несмотря на кажущуюся простоту, он обладал невероятным могуществом. В нем содержалась ее связь с ее родовым наследием, и ее надежды на будущее.

Амулет был создан давным-давно, волшебницами черпавшими магию из природных источников силы, и духов этих мест, когда-то обычного явления в северных землях. Он мог временно, запастись такие силы, чтобы колдунья могла ненадолго отлучиться от своего источника. Лириэль рассудила, что присущая от природы дроу Подземья магия, рассеивавшаяся под светом солнца, также представляет собой подобную магию, черпаемую из некоего источника. Она изменила соответствующие заклинания и ритуалы, чтобы запечатать свою врожденную магию, а так же изученное ей волшебство темных эльфов, в амулет.

Дроу подождала, пока угаснут последние лучики заката; затем осторожно повернула крохотную рукоять амулета. Кабину немедленно залил таинственный голубой свет – невидимый для слепых к теплу – пульсировавший странной магией-излучением Подземья. Быстро, как она делала каждую ночь с наступлением темноты, Лириэль провела ритуалы, вносящие только что изученные ею заклинания в амулет.

Ветроход принимал и удерживал не все заклинания Лириэль, но достаточно, чтобы продемонстрировать по-видимому бесконечную емкость. Не удивительно, что Харза-кзад, ее бывший учитель, сказал ей, что половина дроу Мензоберранзана с радостью убьют ради обладания такой властью. И тем не менее, Лириэль печалило, что самое желанное для нее применение амулета – помочь Федору обрести контроль над вспышками берсерковой ярости – упрямо не поддавалось ее усилиям.

Закончив дневную работу, Лириэль прихватила книгу легенд руатимцев, и отправилась на палубу. Ночь обещала быть ясной, сверкая бесчисленными звездами. Большинство членов экипажа были свободны от работы, несколько моряков удобно растянулись на палубе, поглощая похлебку и слушая рассказ Федора о своей родине. Молодой человек был прирожденным

рассказчиком, и моряков затягивал ритм его истории и глубокий, богатый тонами, бас. Эту историю Лириэль уже слышала прежде, в ней описывалась битва между воинами Рашемена и Красными Магами, правившими близлежащим Тэем. Матросы встречали каждое упоминание магов злым перешептыванием, и восхищались деяниями берсерков Рашемена. Федор на миг прервал рассказ, чтобы невесело кивнуть в ответ на насмешливый взгляд Лириэль.

Дроу хорошо понимала, что он имел в виду. Большинство руатан не доверяли волшебству. Их побег из Скуллпорта оставил экипаж в растерянности, они побаивались эльфийку, и в большинстве своем держались от нее подальше.

«Ты сегодня поздно», заметил неуверенный голос за ее спиной.

Лириэль повернулась к Бьорну, самому молодому из команды Хрольфа. Вместо бороды у парня еле пробивался желтый пушок, а руки и ноги с трудом можно было назвать сильными и изящными. Зато Бьорн читал ветра и предчувствовал погоду с почти магической точностью. Подобный дар обеспечивал ему почетное место на борту любого судна. И это была не единственная его способность. Когда он не был занят работой, парнишка резал из дерева маленькие красивые статуэтки, и раскрашивал их в любимые северянами яркие цвета. Сейчас как раз Бьорн уселся на палубе, укладывая горшочки и чашки с красками. Дроу остановилась, рассматривая его последнюю работу. Это была настенная доска, изображавшая одинокий корабль в шторм. Прекрасная богиня с дикими глазами поднималась из гребня надвигающейся волны, протянув руку – возможно, чтобы поддержать раскачивающийся корабль, а может чтобы раздавить его. «Амберли?» спросила Лириэль.

«Да. Госпожа Волн», почтительно произнес Бьорн, но одновременно с этим делая ограджающий знак. Лириэль прекрасно прочитала его реакцию. Она достаточно наслышалась о непредсказуемой Амберли, чтобы узнать эту специфическую разновидность поклонения. Страх и почтение – Лолт также побуждала и требовала их. Дроу кивнула и повторила жест Бьорна, что озадачило молодого художника.

«Амберли твоя богиня?» спросил он.

Лириэль пожала плечами. «Нет, но высуши ее и раскрась в черное, и ты едва ли заметишь разницу».

Юноша вытаращив глаза еще раз повторил свой знак, будто боясь последствий подобного кощунства. Дабы уйти от щекотливой темы, он взял дымящуюся миску и протянул дроу. «Ты запоздала этим вечером. Я оставил немного супа, сейчас его уже не раздобыть».

Удивленная Лириэль с благодарностью приняла миску и уселась рядом с парнем. Он взялся за собственный ужин, и они ели в молчании. Однако это были самые приятные мгновения, которые она провела с кем-либо, кроме Федора и Хрольфа, с тех пор как поднялась на борт. Большинство из двадцати с лишним членов экипажа просто игнорировали ее. Большинство, но не все. Уголкем глаза дроу заметила, что Ибн вновь наблюдает за ней. Было в этом здоровенном рыжебородом моряке что-то беспокояще знакомое для Лириэль. Хотя руатане в основном подходили к жизни открыто и бесхитростно, Ибн похоже думал куда больше чем говорил. Его редкие слова выдавали мало, глаза еще меньше. Более сложная натура, чем свои собратья, Ибн иногда напоминал Лириэль дроу. Что означало, потенциальный источник неприятностей.

Доканчивая пересоленную похлебку, Лириэль призадумалась. Первый помощник что-то затевал, это Лириэль даже не подвергала сомнению. Она может подождать его хода, или прямо обратиться к нему за разъяснениями. По ее опыту, такой подход часто путал карты темным эльфам, ожидавших противодействия собственным замыслам в форме столь же утонченных интриг. Неизменный результат применения этой тактики – момент затаенного изумления, вслед за ним лихорадочная попытка разобраться в тонких слоях расчетов, которые наверняка скрываются в столь прямолинейном действии, – всегда доставлял ей удовольствие. Так как же, подумалось ей, ответит Ибн на прямой вызов?

Наконец, Лириэль решила испытать его. Пожелав Бьорну доброй ночи, она направилась к рыжебородому.

«Говори что тебе нужно, и покончим с этим», потребовала она.

Первого помощника, по всей видимости, ее слова не встревожили. Вытащив изо рта трубку, он вытряхнул в море пепел.

«На борту все заняты делом. Ты, как я вижу, только спишь днями да сидишь, уставившись в книги, по ночам», сказал он ядовито, указывая наклоном головы на книгу, зажатую у дроу подмышкой.

Подбородок Лириэль вздернулся. «Мне напомнить, что я пассажир и оплатила свое место? Если тебе так надо определить мою роль, считай меня корабельным магом».

«Магом!» Ибн сплюнул через поручень, демонстрируя свое презрение. «Есть вещи, которые необходимо делать, магия к ним не относится. Харрелдсон готовил еду. Напрасная трата времени хорошего моряка».

Дроу недоверчиво распахнула глаза. Человек ожидал, что она займет место посудомойки? «В доме моей семьи пищу готовят рабы», сказала она холодно. «Рабы-мужчины, кстати. То, что ты предлагаешь, абсурдно».

Ибн скрестил руки на груди. «Нет, если тебе захочется кушать. Ночью командую я. И ты поможешь с едой, или обойдешься без нее».

Лириэль сжала зубы, удерживая непримиримый взгляд противника и развлекая себя мыслями о традиционных среди дроу методах решения споров. Художественное расчленение было одним из любимых. Медленно действующие яды добавляли пикантного разнообразия. Важную роль играли также гигантские скорпионы. Общий смысл ее мечтаний видимо отразился на лице, поскольку когда она резко развернувшись схватила гарпун из оружейной стойки, Ибн метнулся назад и спрятался за бочкой соленой рыбы.

Не он один так несправедливо оценил ее намерения. Сильная рука перехватила запястье дроу. «Что ты задумала, вороненок?» осведомился Федор. Раздраженно зашипев Лириэль выдернула руку. «Я задумала рыбалку! Этот идиот за бочкой ожидает, чтобы я помогла ему с провизией. Как я понимаю, либо это, либо готовка!»

«Ах вот оно что». В глазах молодого воина, повернувшегося к укрытию Ибна сверкнула насмешливая искорка. «Я много дней путешествовал с ней, дружище. В этом ты можешь мне поверить: гораздо разумнее будет позволить ей добывать пропитание». Моряк поднялся, с нескрываемой ненавистью глядя на дроу. Лириэль послала ему поцелуй и с гарпуном направилась к борту. Она быстро сбросила обувь и одежду, которые только мешали бы ей в воде. Все, в чем она нуждалась, были Ветроход, амулет Лолт и немного ножей и кинжалов, привязанных кожаными ремешками в удобных местах на предплечьях и ногах.

Краем глаза Лириэль увидела, как нахмурился Федор, пославший предупреждающий взгляд присутствовавшим на палубе. Хрольф запретил своим людям прикасаться к ней; суровый вид Федора приказывал им отвести глаза.

Раздражение дроу стало еще сильнее. Ей никак не удавалось привыкнуть к человеческой идее скромности. Темные эльфы понимали толк в красоте – в том числе и тела – и не испытывали предубеждений насчет наготы. Основной причиной, почему они вообще носили одежду, было то, что она обеспечивала защиту и позволяла прятать оружие.

Игнорируя чистоплюя-друга, Лириэль перелезла через ограждение, метнула гарпун в воду и нырнула следом за ним.

Ледяной шок остановил ее сердце, заставив его пропустить удар; затем ритм возобновился, гремя в ушах Лириэль старавшейся пошевелить онемелыми конечностями. Дроу привыкла к водам Подземья, поступавшим из тающих снегов с поверхности, высоко над ее родной, но здесь было холодно. Она поняла, что долго в такой воде не выдержит. Принявшись за дело, она вырвалась на поверхность, схватила гарпун и набрав воздуха погрузилась вглубь.

Звездный свет пробивавшийся сквозь толщу воды превращал море в серебристый мир грез. Это было чудесно, но Лириэль не собиралась мешкать и быстро выбрала добычу, большую рыбину которую пираты любили за розовую плоть, одинаково хорошую в сыром, жареном или копченом виде. Подняв гарпун к плечу, она бросила. Зазубренное оружие пронеслось в воде, оставляя за собой след из тонкой веревки, и пробило жабры. Лириэль немедленно стала подниматься к поверхности, держа конец веревки. Поднимаясь к кораблю, она заметила на его днище несколько непонятных отметин – резба, странно напоминавшая алфавит дроу.

Левитируя, девушка поднялась из воды и легко взмыла вверх, где ее ожидал Федор, хмурый и настороженный. Он снял свой плащ, держа его наготове для нее. Поблагодарив его кивком, она приняла теплую одежду и вручила ему веревку. Рыба весила не меньше половины от нее самой, и едва ли от нее ожидалось собственноручно втащить ее на борт.

Обернувшись в плащ, Лириэль заметила что Ибн смотрит в море мимо нее. Его лицо было все так же нечитаемым, но злобное удовлетворение, исходившее от него, ощущалось как ядовитые испарения. Лириэль сразу поняла, что в этот раз Ибн не ответит на прямой вопрос.

Ну и ладно – есть и другие способы получить нужную информацию.

Под прикрытием плаща Федора, рука дроу потянулась к знаку Лолт. Сжав пальцами обсидиановый диск, она тихо произнесла заклинание чтения мыслей, один из первейших уроков, преподаваемых новым жрицам. Из разума Ибна она выудила единственное слово – акула – и несколько мимолетных картинок: треугольный плавник, маленьким серым парусом разрезающий воду; хищные челюсти уставленные рядами острых зубов; маленькое тело с темной кожей, разодранное до неузнаваемости.

Ага. Эта акула охотница, и опасная, и случись все как желает Ибн, ее добычей оказалась бы она. Опять таки, все к лучшему – она предупреждена.

Теперь уже по настоящему разозлившаяся Лириэль направилась к стойке с оружием и выбрала другой гарпун, больше и тяжелее предыдущего.

«Снова вниз?» небрежно осведомился Ибн, набивая трубку.

Дроу украдкой бросила на него испытующий взгляд. Ни следа от его планов не отобразилось на лице, ни разу глаза не дернулись в сторону, где он заметил акулу. Лириэль заметила все это с оттенком извращенного почтения. Она выросла в Мензоберранзане, и пережила множество таких игр, но немногие дроу играли в них лучше чем рыжебородый человек. В этот момент Федор затащил на палубу рыбу, все еще слабо дергавшуюся, расплескивая ледяную воду на ноги собравшимся вокруг людям.

«Я собираюсь добыть еще одну рыбу», объявила Лириэль. Приковав внимание аудитории, она повернулась к Федору и сбросила плащ на палубу. «Боюсь, твой плащ весь вымок. Тебя не затруднит принести теплое одеяло? По-моему, в каюте Хрольфа есть одно. Ибн поднимет для меня следующую рыбу... Не так ли?» обернулась она в сторону первого помощника.

Ибн не ответил, а Федор сузив глаза подозрительно посмотрел на нее. Она ответила улыбкой. Разумеется, воин знал, что у нее что-то на уме, но теперь ему пришлось выбирать, оставаться и распросить ее, или делать что-нибудь по поводу ее наготы. Глубоко вздохнув, Федор избрал последнее и исчез в трюме.

Лириэль привязала свободный конец веревки к барабану и добавила к ней поплавок. Веревка оказалась не слишком длинной, но едва ли ей придется далеко плыть в поисках акулы. Первую рыбу она поймала у корабля, если эта акула похожа на знакомых ей хищников, ее привлечет запах крови.

Дроу вновь окунулась в воду, в мечтах изображая физиономию Ибна когда он вытянет ее добычу и окажется лицом к клыку со своей акулой.

Она быстро подплыла к месту где убила предыдущую рыбу, избрав немного иной путь. Вода для нее была привычней, чем большинству дроу, но она понимала, что находится не в

своей стихии, и оставалась предельно осторожной. Картины, подсмотренные в мыслях Ибна, – ее собственное изуродованное тело – все еще оставались весьма живыми.

Единственным предупреждением для дроу оказался отблеск серебра на периферии ее поля зрения. Мгновенный разворот, гарпун готов к броску...

Ошеломленная Лириэль обнаружила, что смотрит не на акулу а на молодого эльфа – первого не-дроу которого она видела в своей жизни.

Эльф-фейери оказался именно таким необычным и чуждым, как ее и учили. Коротко обрезанные волосы зеленого цвета, кожа покрыта серебристо-зелеными узорами, казалось подрагивавшими в такт движению воды. На шее у него были жабры как у рыбы, а между пальцами руки, сжимавшей копьё, протянулись тонкие перепонки. Ростом он не превышал Лириэль, но обладал хорошим телосложением, и, судя по тому как он держал оружие, использовать его он умел. И тем не менее он не нанес удар. Только смотрел на дроу, с видом полным растерянности.

Не меньше растерялась и Лириэль. О, она знала что некоторые эльфы живут в воде, и ее не особенно удивила встреча с одним из них. Что сбивало ее с толку, так это что он не атаковал.

С детства Лириэль слышала рассказы о ненависти, которую питают к дроу светлокочие эльфы. Разбитые и загнанные под землю много веков назад, от фейери дроу могли ожидать только страшную смерть. Почему же промедлил этот, откуда любопытство в его глазах?

Изящная серая тень скользила к растерянному морскому эльфу. Страхнув с себя онемение, Лириэль метнула гарпун; оружие прошло мимо эльфа, в ладони от пятнистого лица.

Вода за его спиной вспенилась судорогами бьющегося тела. Загарпуненная акула извивалась и рвалась, но неуклонно поднималась вверх, навстречу Ибну. Хотя Лириэль смертельно хотелось насладиться ожидавшим первого помощника сюрпризом, перед ней возникла новая проблема. Второй морской эльф, этот с длинными волосами, заплетенными в похожие на водоросли нити, плыл на помощь товарищу. Эльфы зависли по обеим сторонам от нее, держа наготове копьё.

Сжав Ветроход, Лириэль призвала врожденную магию, сотворив сферу тьмы. Черная вода мгновенно окружила трех эльфов. Используя непроницаемую темноту – и преимущество неожиданности – дроу поспешила убраться подальше. Со знаменитой гибкостью и быстротой темных эльфов она перевернулась в воде и метнулась в сторону. Недостаточно быстро. Резкий рывок болезненно дернул назад голову, копьё прошло сквозь облако ее волос.

Первым побуждением Лириэль было убить обоих представителей морского народа; собственно, кинжал оказался в ее руке прежде чем она вообще успела что-то подумать. Но первый морской эльф, любопытный, не атаковал. Это Лириэль знала точно. Он не производил впечатления того, кто может промахнуться. И она была почти безоружна, неспособна отвратить брошенное копьё. Федор тоже не напал бы в таких обстоятельствах. Было нечто в глазах эльфа, напомнившее Лириэль о непреклонной чести ее друга.

Дроу обнаружила, что не желает доводить битву до финала. Ее легкие горели, требуя воздух. Она поплыла наверх, к звездам, осторожно держась в отдалении от еще сопротивлявшейся акулы и оставляя морских эльфов в их владениях.

На борту Эльфийки все шло точь-в-точь как она надеялась. Ибн яростно крутил лебедку. Он покосился на появившуюся Лириэль, но ни удивления ни разочарования не выразил. Неожиданно, дроу надоела игра. Она приняла одеяло у Федора и подошла к первому помощнику. Вытянув кинжал из ножной перевязи, она быстро перерезала веревку, поднимавшую раненную акулу на корабль.

«Не трать зря время», ответила она в ответ на недоверчивый взгляд Ибна. «Я не против убить акулу, но не думаю что захочу ей пообедать. Слишком напоминает некоторых моих знакомых».

Ее замечание заставило проходившего Хрольфа резко напрячься. «Акулу? Ты охотишься на акул, девочка?» Он оглядел дрожащую дроу. «И в этих водах! Сильный человек может умереть от холода. Почему никто из вас не предупредил ее?» прогремел он, смотря на помощника в ожидании ответа.

Лириэль прервала выяснения. «Хрольф, я опасаясь нападения на корабль. Я видела двух эльфов-фейери, воднодышащих мужчин. Поблизости могут быть еще».

«Морской народ? Здесь?» с явным удивлением переспросил капитан. Дроу кивнула. «Мы сражались».

«Тупая женщина!» взорвался Ибн. Он навис над Лириэль, сотрясая воздух сжатым кулаком. «Теперь-то ты втравила нас в неприятности».

Хрольф приказал ему замолчать. «Ты ранила или убила кого-нибудь из них?»

«Она не причинила вреда».

Слова произнес новый голос, явно мужской, но высокий и мягкий как ветер. Говорившего видно не было, но лицо Хрольфа осветилось.

«Кзорш!» радостно воскликнул капитан. Странное было слово – щелчок, а за ним свистящее *ззоришиши* – но с языка Хрольфа оно сорвалось с привычной легкостью. Капитан схватил веревочную лестницу и свесил ее за борт. «Поднимайся, парень, и добро пожаловать!»

Лириэль широко раскрыла глаза при виде вскарабкавшегося на палубу морского эльфа. Она, конечно, знала что Хрольф бандит, но что он находится в приятельских отношениях со злыми морскими фейери? Судя по всему да. Незнакомец низко поклонился капитану, раскрыв перепончатые ладони, видимо демонстрируя собственную безоружность.

«Я пришел с предупреждением, Капитан Хрольф», объявил эльф серьезным мелодичным голосом. «В нижних морях неспокойно. Глубинные обитатели поднимаются, вынуждая меньших хищников на яростные и отчаянные нападения. Ты видел акул?»

«Некоторые из нас видели», заметила Лириэль, кидая быстрый ядовитый взгляд на первого помощника.

«Я знаю, вы, морской народ, недолюбливаете акул», возразил Хрольф, «но они не угрожают кораблю. А создания глубин поднимаются к поверхности каждую весну».

«Не все», безрадостно сказал Кзорш. «Вургенов не видели в этих местах за всю мою жизнь, но с последнего новолуния я лично встретил троих».

Хрольф задумчиво пригладил бороду. «Это странно», признался он наконец. «Вургены редки».

«Ну, я свое дело сделала», сухо вклинулась Лириэль. Ее замечание заставило Хрольфа развязно хмыкнуть, но так же быстро его лицо вновь посерьезнело.

«Гигантские угри», объяснил капитан. «Достаточно велики чтобы проглотить человека в один присест, и достаточно злобны чтобы разнести хвостом в щепки малые корабли. Вургены это серьезно – поверь, – но они предвещают худшее. Скорее всего, они ушли наверх только спасаясь от чего-то еще большего».

«Таковы и мои страхи», согласился Кзорш. «Ситтл отправился предупредить ближайшее селение морского народа».

«Ситтл». Скрестив руки Лириэль уставилась на морского эльфа. «Как я понимаю, это тот, что пытался проделать во мне дырку».

«Не принимай близко к сердцу, девочка», жизнерадостно подал совет Хрольф. «Морской народ верит, что ваш род приложил руку к потере их магии – у морских эльфов нет ничего в этом смысле, о чем стоило бы говорить, – а значит дроу первые в их списке вещей, за которыми надо приглядывать. Как раз этим Кзорш и Ситтл и занимаются. Они присматривают за морским народом, что живет в здешних местах».

«И за *Эльфийкой*», добавил Олвир, один из экипажа. До появления Федора, Олвир был главным рассказчиком на корабле. Сейчас он больше слушал, чем говорил – так хотелось ему

научиться новым чудесным историям у молодого рашеми – но, когда предоставлялась возможность, с радостью вставлял свое слово.

«Капитан Хрольф, он странно привязан к эльфам, даже завел себе женщину среди них однажды. Ну вот, около двадцати лет назад мы проплывали рядом с парой калимшитских кораблей, забросивших сеть на мелководье. Оказалось, они выловили в них нескольких молодых морских эльфов, собирались продать их как диковинку на юге. Так Хрольфу это здорово не понравилось. Хорошая была драка», мечтательно прибавил Олвир. «Потопили мы оба корабля, вот как, и скормили мерзавцев-южан креветкам».

«Я был одним из этих молодых эльфов», сказал Кзорш сдержанно. «Я всегда буду помнить, и мой клан также. Руны на днище *Эльфийки* говорят морскому народу, что это корабль Хрольфа. Мы поклялись защищать его, и его команду».

Глаза морского эльфа, пока он говорил, застыли на Лириэль, и сомнение на его лице яснее ясного говорило, что он сильно сомневается, стоит ли включать в их число и эту дроу.

Вполне разумно с его стороны, хмуро подумала Лириэль. Она не забудет о всех преступлениях, совершенных эльфами-фейери против ее народа, и к этому конкретному мужчине доверия она также не испытывала. Два эльфа долго мерили друг друга настороженными взглядами.

«Ты могла бы убить меня, но не стала», наконец прервал молчание Кзорш. «Ты...ты совсем не то, что я мог ожидать».

Слова и озадаченность, с которой он произнес их, зеркалом отражали собственные мысли Лириэль. Последним, что она ожидала бы от фейери были милосердие и честь. И тем не менее Кзорш упомянул о клятве как о чем-то крепком и нерушимом, воспринимаемым его народом с той же гордостью, с которой дроу могли бы говорить о наследуемом титуле. Подобному несоответствию Лириэль видела несколько возможных объяснений: либо темные эльфы неверно воспринимали природу фейери, – а куда ближе к истине, исказили истории в собственных целях – либо этот Кзорш просто невероятно наивен.

В любом случае, она не знала как ответить на вопрос Кзорша. Лириэль понятия не имела, что слышал морской эльф о дроу, но могла поспорить на что угодно, что едва ли в этих рассказах отдавалось должное злу и коварству, которые были ее родовым наследием. Пожав плечами, Лириэль перевела взгляд на море.

То, что она увидела, заставило ее затаить дыхание. Без единого слова она бросилась к своим сваленным в кучу вещам и оружию. Хрольф тоже заметил. На темной воде выделялись два круга отраженного лунного света. Проблема была только в том, что луна в небесах всего одна.

Ревом отдавая приказание, капитан кинулся к гарпунам. Подняв гигантский снаряд из дерева и металла, он занес его для броска. Прежде, чем он успел метнуть, навстречу рванулось длинное серебристое щупальце и выхватило оружие у него из рук.

Море взорвалась брызгами, выпуская наружу существо с огромной шишкообразной головой и бесчисленными щупальцами, пенившими воду, удерживая его на плаву. Две его широко раскинувшихся руки ударились о правый борт; с влажным шлепающим звуком сотни присосок обрели опору.

«Глаза!» заорал Хрольф, указывая на выпуклые сферы, каждая из которых была больше человеческой головы. «Стрелять по глазам!» Поток стрел устремился к ним, но стрелки опоздали. Гигантский кальмар похоже понял слова Хрольфа, поскольку услышав их сразу погрузился под поверхность, защищая уязвимое место. Однако хватку на корабле он не ослабил; влекомое им судно резко накренилось. Лириэль и большинство экипажа оказались сбиты с ног.

Прокатившись по палубе она довольно болезненно врезалась в оказавшуюся ниже часть корабля. Выпутавшись из кучи перепутавшихся потных конечностей, дроу с тревогой оглянулась вокруг, ища Федора.

Он сумел устоять на ногах, одной рукой удерживаясь за мачтовый канат. Черный меч блестел в другой, ноги широко расставлены на наклонной палубе. Несмотря на опасность, он выглядел полностью спокойным. Слабая улыбка появилась на его губах, на глазах Лириэль он набирал рост и силу.

Боевая ярость начиналась.

Лириэль восхищенно вскрикнула. Берсерковая ярость Федора была восхитительным зрелищем, и перспектива наблюдать ее обращенной против единственного, легко различимого врага приводила ее в восторг. Теперь он знал экипаж, да и в любом случае, едва ли можно спутать руатанского воина с гигантским кальмаром. Перекатившись, она начала карабкаться на четвереньках наверх, к своему другу.

Тем временем Хрольф пробирался к левому борту, выкрикивая имена еще нескольких и приказывая следовать за ним, в попытке своим весом восстановить баланс корабля. Но кальмар опустился еще ниже, неуклонно наклоняя Эльфийку вслед за собой. Вода плеснула через левый борт.

Единственное щупальце перевалило через ограждение и обернулось вокруг одного из матросов. Кальмар высоко поднял трепыхающуюся жертву, и с размаху ударил вниз. Щупальце поднялось вновь, но теперь человек в объятиях кальмара уже не шевелился. Однако оружием он оказался достаточно эффективным, и второй удар сопровождался воплями раненых и стонами протеста раздираемого корабля.

Когда кальмар занес человека в третий раз, меч Федора описав дугу подрубил основание мачты. Цепляясь за канат одной рукой, молодой берсерк полетел к воде. Пролетая он одним ударом перерубил атакующее щупальце; захваченный моряк тяжело ударился о палубу, все еще охваченный дергающимся серебристым отростком.

Импровизированный маятник дошел до крайней точки и Федор начал движение обратно к кораблю. К изумлению Лириэль, он отпустил веревку задолго до того, как оказался у палубы. Твердо удерживая обеими руками направленный вертикально вниз меч, он упал прямо на гигантского кальмара.

Федор приземлился на голове существа, и сила удара вогнала клинок до рукояти в основании одного из щупалец, ухватившихся за корпус *Эльфийки*. Берсерк стал раскачивать клинок, прорывая все более широкую дыру.

Нападение, казалось, привело кальмара в растерянность. Другие щупальца поднялись из воды, дико шлепая вокруг, пытаясь сбросить человека. Федор продолжал обрабатывать прилипшую конечность, не обращая внимания на изредка достававшиеся могучие удары кальмара.

Лириэль, со сверкавшими глазами и затаив дыхание наблюдавшая за битвой, заметила что в нее вступил еще один воин. Кзорш скользнув в воду методично пилил вторую руку удерживавшую корабль. Похоже, его действия отвлекали кальмара, и, с чавкающим звуком, напоминавшим тысячу башмаков вырывающихся из болота, кальмар оторвал щупальце от корпуса. Потом он обхватил им морского эльфа, и быстрым, презрительным броском отшвырнул его в сторону израненного корабля.

Болезненно врезавшись в деревянную палубу, Кзорш сумел все же подняться на ноги. Указывая на Федора эльф выкрикнул предупреждение на странном языке полным щелчков и свистов.

Лириэль не нужно было понимать слова морского эльфа, чтобы заметить грозящую опасность. Щупальце, сброшенное Кзоршем с корабля, сворачивалось внутрь, к телу кальмара, медленно окружая кольцом юного берсерка. Кальмар сменил тактику.

Щупальце сомкнулось, туго обхватив грудь берсерка, прижав его руки к телу. Мгновенным, резким движением – странно напоминавшим воина, вырывающего стрелу из плеча – кальмар сорвал с себя Федора. Однако эта «стрела» была более настойчива чем прочие. Федор

сумел удержать меч. И когда существо потянуло его под воду, берсерк наконец перерубил удерживавшее в плену *Эльфийку* щупальце.

Корабль толчком выровнялся, бешено качаясь. Лириэль прижалась к ограждению и заставила себя подняться на ноги, с уверенностью глядя в бурление битвы под волнами. Вода кипела и билась под яростью схватки, и ее острые глаза видели расплывающуюся по морю кровь кальмара. Ледяная вода исходила паром от жара, поглощавшего берсерка в приступе боевого бешенства.

«Ты *каламри!*» пообещала она раненному кальмару голосом, звенящим жестоким весельем.

Хрольф, похоже, ее уверенности не разделял. Подойдя вдоль борта, капитан опустил на ее плечо огромную ладонь. «Он пропал, девочка», сказал он мягко, «и я отдаю приказ уходить».

«Нет», спокойно возразила Лириэль, не отрывая взгляда от моря.

«Никто из нас ничем ему не поможет. И если мы не уберемся от этой твари подальше, погибнет еще много хороших людей».

«Дайте ему время», настаивала дроу. Несмотря на свой уверенный тон, Лириэль начала уже чувствовать тревогу. У Федора в достатке хватало сил, отваги и хитрости. Но вот времени... времени у него было мало. Даже берсерку необходим воздух.

Море успокоилось, неожиданно и мгновенно. «Он пропал», повторил Хрольф, и кивнул поверх головы Лириэль хмуро наблюдавшему Ибну. Первый помощник занял место на руле и взмахом руки приказал прочим садиться на весла.

В этот момент кальмар рванулся из воды, мотая огромной головой из стороны в сторону как от смертельной боли. Маленькая шишка показалась на гибком панцире, пробиваясь наверх.

Кзорш подошел к Лириэль, изучая существо сузившимися зелеными глазами. «Человек жив!» недоверчиво произнес эльф. «Он пытается пробиться наружу!»

«Федор внутри, живой?» со смесью надежды и скепсиса переспросила дроу.

«Кальмара трудно убить, даже изнутри», хмуро объяснил Кзорш. «Проглоти его вурген, путь наружу прорезать было бы легко. Здесь единственная его надежда – найти глаза. У нас не найдется ничего способного одолеть эту броню».

Может у вас и не найдется, подумала Лириэль. Дроу огляделась вокруг, надеясь найти сумку с метательными пауками. После нескольких секунд лихорадочных поисков, она заметила ее, перепутавшуюся с отрезком веревки, и быстро достала пригорошню металлических пауков размером с кулак – идеально сбалансированные восемь ног заканчивающиеся смертоносными шипами и усиленные магией Подземья.

Дроу метнула их, один за другим. Зачарованные острия глубоко подгрузились в панцирь кальмара идеальной линией, образовав широкую трещину. Прежде чем Лириэль успела остановить его, Кзорш подобрал гарпун и бросил его в отверстие. Оружие вошло в рану, а зазубренный конец вырвался из одного из глаз. Кальмар наконец затих, бессильно раскинув щупальца как солнечные лучи. Мертв, но погибнуть мог и Федор.

Лириэль повернулась к морскому эльфу, бессильная заговорить от бешенства.

«Надо было показать ему дорогу наружу», объяснил Кзорш.

И действительно, у видимой части древка появилась рука. Через несколько мгновений, из разбитого глаза показалась голова Федора. Отряхнув клочья тела и кровь с лица, он несколько раз глубоко вздохнул. Его враг погиб, и боевая ярость уходила. Пока она длилась, боль, холод или усталость были ему безразличны. Все это придет теперь.

Молодой воин с трудом выполз из глазницы, и неуверенными движениями поплыл к кораблю. Кзорш нырнул на помощь, и десяток рук потянулись с корабля поднимая героя дня на борт.

Бледный как пена Федор плюхнулся на палубу. Его рубаха была разодрана в клочья, из дюжины круглых ран сочилась кровь. Морской эльф оказывал ему помощь, так уверенно и ловко, что даже Лириэль не подумала вмешаться.

«Вот история чтобы рассказывать ее детям детей», объявил Хрольф, неверяще качая головой. «Повезло нам, что на борту оказался берсерк!»

«Скорее уж недобрая удача!» сердито сказал первый помощник. «Верно, парнишка убил тварь. Но по мне, кальмар вовсе не напал если бы на корабле не было женщины! И потом, что за человек может называть другом женщину черных эльфов?»

Для Ибна это была длинная речь, и страстность, с которой он говорил вызвала одобрительный шепот со стороны измочаленного экипажа. На дроу устремились мрачные, неприязненные взгляды.

«Что за человек?» повторил Хрольф и пожал плечами. «Я тоже считаю дроу своим другом, и насколько помнится, я все еще команду кораблем. Так что можешь говорить что хочешь, но исполняй мои приказы».

На это у Ибна не нашлось ответа. Он мгновенно осознал свою ошибку. Все на корабле высоко ценили капитана, и многие смотрели на раненного берсерка почти с преклонением. Они не прочь были избавиться от дроу, но никто из них не мог принизить совершенного только что Федором, или оспорить слово и волю капитана. Первый помощник ограничился тем, что еще раз пробормотал «недобрая удача!» и направился на поиски сухой трубки.

«Не обращай на него внимания, девочка», посоветовал Хрольф. «Ибн неплохой человек, но если уж уперся во что-то, то в сторону не отвернет. Он не из тех, кто привыкает к новым путям, а твои необычны для всех нас». Он с любопытством покосился на молодую волшебницу. «Во время боя ты что-то кричала кальмару, я не расслышал. Заклинание? Проклятие?»

«Обед», лукаво ответила дроу. Теперь, когда опасность миновала, к ней возвращалось присущее ей озорство. Развернув обрубленное щупальце с упавшего матроса, она подошла и протянула все еще трепещущий отросток Ибну. «Ты хотел, чтобы я помогла с провизией? Чудно. Мы будем питаться как дроу. нарежь это, отбей хорошенько и прожарь в жире рота. Очень вкусно», заверила она быстро зеленевшего первого помощника.

«Корабельный маг», раздался слабый, напряженный голос.

Говорил Федор. Он рывком уселся и весело посмотрел на первого помощника. «Считай ее... корабельным магом», посоветовал рашеми. Слова вырывались у него с трудом, перемежаясь тяжелыми вдохами, но в голубых глазах плясал смех. «Так... безопаснее». Рыжебородый кивнул, недоверие к магии тотчас было забыто перед перспективой увидеть на собственной тарелке извивающееся щупальце. «Корабельный маг», энергично согласился Ибн.

Глава 4

Пиратская жизнь

Эльфийка провела в море еще несколько дней, прежде чем в виду показались северные острова Муншае. Вид земли придал Федору сил и пробудил исследовательский интерес, однако корабль не стал приставать к берегу, напротив держался в отдалении, укрываясь в плотных весенних туманах.

«Зима заканчивается, моря открываются и скоро появятся торговые корабли», объяснил Хрольф, когда Федор спросил о причинах задержки. Они сидели, скрестив ноги, на баке, между ними расположилась разорванная сеть. Привычным ритмом мелькали пальцы, заново перетягивая узлы. Не прерываясь, Хрольф приятельски хлопнул молодого воина по спине. «И после того, как ты разобрался с тем кальмаром, полагаю, торговцев мы будем обирать как смородину с куста!»

«Я не буду сражаться за вас», тихо сказал Федор.

Капитан остановился и посмотрел на него. «Почему?»

«Я дерусь, только когда нет иного выбора, защищая свою землю или друзей», объяснил молодой воин. «Если корабль будет атакован, я помогу. Но я должен предупредить тебя, если вы нападете на другой корабль, чтобы ограбить его, я могу повернуться против вас». Добродушие не сошло с лица Хрольфа, но глаза похолодели. «Угроза?»

«Предупреждение», ответил рашеми спокойно, но вопросительно посмотрел на Лириэль, которая подобралась поближе, привлеченная серьезным выражением лица ее друга. «В отличие от своих братьев-берсерков, я не всегда могу контролировать наступление боевой ярости. Разве Лириэль не сказала об этом?»

«Про это – нет», огорченно сказал Хрольф, разглядывая насторожившуюся дроу. «Выскользнуло из твоей памяти, девочка?»

«Ты начал ту потасовку, прежде чем я дошла до этого», защищающимся тоном возразила Лириэль. «Иначе я бы сказала. Наверняка».

Капитан вздохнул, дернув себя за пышные усы. Так же резко к нему вернулось хорошее настроение, и он подмигнул дроу.

«Не гляди так печально, девочка! Драка это замечательно, но для получения прибыли есть много других способов!» Позже тем днем, капитан собрал экипаж, чтобы обсудить необходимые изменения в обычной стратегии удара из засады. Все достаточно спокойно согласились на план Хрольфа, даже несмотря на то, что он включал Лириэль и ее магию. Руатанцы видели, как сражается Федор; никому не хотелось оказаться в бою против его черного меча. К тому же, они привыкли к необычным методам капитана, и хотя Лириэль они все еще опасались, но ему доверяли всецело.

Не в первый раз Хрольф добудет хитростью то, что иначе могло быть добыто ценой больших человеческих жертв. Собственно, капитан всегда склонялся к более легким методам пиратства. Если он сумеет запугать корабль вплоть до сдачи груза, тем лучше. Хрольф наслаждался хорошей дракой, но предпочитал сражаться, не подвергая при этом опасности *Эльфийку*.

Команда собралась вокруг Лириэль, объяснявшей необходимое заклинание. «Это один из вариантов телепортации, в котором две персоны меняются местами. Одного из вас пошлют на корабль, чтобы передать капитану наши условия: половина груза за возвращение их человека. Кто хочет пойти?»

«Дело даже не в том, кто хочет, девочка», прокомментировал Хрольф. «Подумай: что помешает им схватить нашего человека и настаивать на равном обмене, или вообще отка-

заться? Пойми меня правильно: твоя магия отлично сработает для похищения, и выведет их капитана из равновесия, по крайней мере, ненадолго. Но этого недостаточно».

«Что же тогда?» осведомилась Лириэль.

Хрольф лукаво улыбнулся. «Фолки с Муншае народ крепкий, и напугать их нелегко. Вообрази – их капитан оказывается лицом к лицу с незнакомцем, неведомо как очутившемся на его корабле. Кто среди нас лучше всего доведет бедолагу до паники?»

Все глаза повернулись к Лириэль.

Медленно на ее лице расплылась хищная улыбка, дроу согласно кивнула и со сверкающими глазами начала прорабатывать детали. Вскоре пираты довольно хмыкали. Никто не спорил, даже не хмурился, когда она начала раздавать указания с абсолютной уверенностью военачальника.

Из всех находившихся на борту только двое не были втянуты в общее возбуждение: Ибн, невозмутимо попыхивавший трубкой, и Федор, безуспешно пытавшийся скрыть свое разочарование при виде сияющего, оживленного лица развлекающейся дроу.

Заклинание Лириэль произнесла на закате. Хотя она постепенно приспособилась к убийственному сверканию солнца и моря, сумерки были временем тайны, естественной магии, и дроу понимала и намеревалась использовать этот факт. Море и небо, сливаясь, растворялись в темноте, но тени еще жили. Исчезая вслед за светом, они казалось, оставляли за собой незримый след. Между днем и ночью, между тенями и грезами все представлялось возможным. И это было важным, поскольку заклинание Лириэль полагалось на страх жертв не меньше, чем на ее волшебную силу. Для такой магии сумерки были лучшим временем.

Корабль с Муншае так же идеально подходил для целей Лириэль. Она поняла это как только телепортировалась на его палубу. Бесшумно расхаживая, защищенная невидимостью пивафви, она изучала корабль, наблюдая за его управлением, даже обследовала кабины, дабы получше узнать свою добычу. Одна маленькая комнатка была забита всякими разностями, настолько необычными, что это могли быть только магические приспособления. Быстро обыскав ее, Лириэль к своему восторгу обнаружила книжицу, заполненную незнакомыми ей заклинаниями, основанными на морской магии. Прихватив найденное сокровище, она продолжила осмотр.

Торговое судно было невелико, но было видно, что построено оно было недавно, с прочной рубкой на корме, изначально задуманной как неотъемлемая часть корабля, а не временная пристройка. Руль на хвосте регулировался румпелем, и управлявшему им надо было получать указания извне, поскольку находясь под рубкой он не мог видеть, куда направляется корабль. В настоящий момент эти указания исходили от капитана, стоявшего в вороньем гнезде на единственной мачте корабля. Выбленки – равномерно расположенные легкие веревки, составлявшие лестницы – подходили к вороньему гнезду с обеих сторон корабля. Невидимая дроу бесшумно забралась по веревкам и устроилась за спиной капитана. Тот склонился через край, хмурясь и слушая возбужденный отчет двух своих людей.

«Что значит – Друстан пропал?» крикнул он. «Куда пропал?»

«Мы его взяли» объявила Лириэль, распахивая пивафви.

Капитан резко выпрямился и повернулся на голос, побледнев от страха при виде темного эльфа расположившегося на расстоянии вытянутой руки от него.

«Он в наших руках», продолжила дроу, и наградой ей послужила паника, прокравшаяся в глаза капитана. Он явно решил, что его моряка как-то утянули в страшные подземные владения темных эльфов. Так даже лучше, решила Лириэль. Она изогнула бровь. «Но мы можем договориться о его возврате».

Человек попытался заговорить. Не раздалось ни звука. Нервно облизнув губы, он попытался вновь. «Что вам нужно?»

«Половина твоего груза», приказала она. «Не пытайся обмануть, мы узнаем. Я не одна», голос Лириэль упал до драматического шепота. Обернувшись плащом, она вновь исчезла из виду. Капитан не видел ни ее, ни кинжала который она прижала ему к горлу, зато капли крови, закапавшей на его грудь, были вполне заметны и очень убедительны. В его глазах Лириэль увидела ужас и веру во вторжение на корабль неизвестного числа темных эльфов, смертоносной и невидимой силы.

«Мы все сделаем», выдавил он наконец, но во взгляде появилась хитрость отчаяния, замеченная и не понравившаяся Лириэль.

«Пожалуй, чтобы избавить вас от некоторых неудобств, добавлю, что твой маг против нас бесполезен. Никакое человеческое заклинание не развеет нашу невидимость, – магия не касается дреу, как вода перьев морских птиц», холодно произнесла она. «Но любая магическая угроза – какой бы жалкой она не была – будет встречена соответственно. Поверь мне, тебе не захочется увидеть магию дреу в бою».

Последний отблеск надежды угас в глазах человека, и Лириэль поняла, что попала точно в цель. Она отдала приказы, заверив, что все это время будет рядом с ним. Если он поднимет тревогу, или даже только намекнет на присутствие темных эльфов на корабле, то в дополнение к половине груза он потеряет и половину экипажа... а возможно и свою жизнь.

Капитан выполнил все, как было сказано, хотя ему с трудом удалось убедить команду, что Друстана магическим образом похитили с корабля, и цену его свободы придется заплатить их грузом. Однако они выполнили приказы, опустив большой плоскодонный ялик и загрузив его дубовыми бочонками.

«Оставь место для нас», прошипела Лириэль в ухо капитану. «Горво займется ялом, остальные останутся здесь, и проследят, чтобы не было никаких глупостей. Мы придем назад вашего человека на яле, а потом уйдем как и пришли».

Пока капитан ревел вниз указания по перестановке бочек, Лириэль, все еще невидимая, тихо слетела в лодку. Как только матросы покинули ял, она выпустила заклинание левитации. Тяжело нагруженное суденышко оторвалось от воды и медленно взмыло в воздух. Моряки остолбенело смотрели, как оно тихо удаляется в туман. Заклинание было довольно трудным, но Лириэль прекрасно понимала, как важен впечатляющий финал. Это придаст весомости объяснениям капитана, и вызванное ощущение удивления и страха займет умы людей достаточно долго, чтобы не позволить им попытаться последовать за призрачным ялом.

Когда лодка коснулась палубы *Эльфийки*, Лириэль бессильно опустилась на один из бочонков, истощенная магией. Экипаж столпился вокруг, приветствуя ее и обследуя добычу. К своему восхищению, они обнаружили, что бочки заполнены чудесным малиновым медом, сладким медовым вином, пахнущим весенними фруктами.

«Отправьте нашего гостя назад, и откупорим один бочонок на празднование. Остальное используем для торговли», подмигнув, сказал Хрольф.

Команда быстро принялась за работу согласно плану Лириэль. Пленного матроса телепортация перенесла в темноту трюма, где его уже ожидали два руатанина, вооруженных крошечными болтами от арбалета Лириэль. Один быстрый укол отправил бедолагу в сон, и он все еще не пришел в себя, когда его вытащили на палубу и уложили в ял.

Лириэль отдала драгоценную книгу заклинаний на хранение Федору, а затем присоединилась к спящему в лодке, дабы завершить дело. Не стоило позволять ффолкам догадаться, что все это нападение было чистой воды блефом, а поблизости затаились пираты с Руатима. Она ждала, пока *Эльфийка* уходила прочь, прячась в облаках тумана.

Когда корабль исчез из виду, Лириэль открыла сосуд с антидотом к сонному яду, и капнула на губы моряка. Он пошевелился, почесался и наконец очнулся с потоком брани, однако всхлипнув умолк, увидев склонившуюся над ним дреу. «Возвращайся на свой корабль», приказала она, махнув рукой в направлении торговцев. Немедленно сквозь туман показались слабо

светящиеся контуры корабля с Муншае. Лириэль окружила его магическим огнем, и чтобы направить пленника на обратном пути, и чтобы еще больше ошеломить ожидавших его.

Пока мореход раскрыв рот как выброшенный на берег карп смотрел на корабль, Лириэль, снова невидимая, тихо скользнула в море. Она с трудом гребла в холодной воде, а отяжелевший пивафви тянул ее вниз, и хотя она отлично плавала, короткую дистанцию до пиратского судна преодолела с трудом.

Несколько пар рук протянулись, втягивая ее на борт. Лириэль едва заметила помощь моряков, палубу под ногами, или что доски неожиданно устремились ей навстречу.

Федор поймал падающую дреу и отнес ее в кабину Хрольфа; отвернулся пока она вяло избавлялась от промокших вещей и не поворачивался обратно пока скрип креплений койки не возвестил, что она забралась под одеяла.

«Все прошло гладко», сонным голосом сообщила она, «но теперь, думаю, капитан еще долго будет оглядываться через плечо. Темные эльфы много дней будут виднеться ему в каждой тени».

«Тебе нужен отдых», тихо сказал Федор. «Не буду мешать».

Что-то в его тоне прорвалось сквозь окутавшую Лириэль пелену усталости. Рывком сев, она посмотрела на приятеля. Как она и подозревала, события этой ночи пришлись ему не по душе. В его глазах не было осуждения, только печаль и решительность. Для дреу это оказалось больше, чем ей хотелось признавать.

«Я пробовала мед Муншае прежде», неожиданно заметила она, «и знаю его цену». Наклонившись через край койки она зарылась в кучу сваленных на полу вещей, пока не нашла маленький мешочек, который бросила Федору. Тот рефлекторно протянул руку, но мешочек не долетел до него, упав у ног с характерным звяканьем множества монет.

«Столько стоил бы мед на рынках Мензоберранзана. Капитан найдет такую же сумму в своей каюте. Корабельный маг тоже получил возмещение. Лучше тебе не знать, сколько стоила эта книга», проворчала она. «Главное, никто из них в нашей маленькой игре не пострадал. Строго говоря, они здорово заработали, учитывая, что им не пришлось тратить деньги и силы на доставку товаров в Подземье!» Федор долго разглядывал непредсказуемую дреу. «Но зачем, вороненок? Зачем все эти сложности, если ты хотела просто купить мед?»

Девушка лукаво улыбнулась, но он не пропустил отблеск неуверенности в янтарных глазах. «Ты ведь не думаешь, что Хрольф и его ребята удовлетворились бы простой сделкой? Они же пираты, в конце концов! А так, Хрольф получил возможность разыграть представление, торговцы получили деньги, и всем будет что рассказать. Никто не обижен». Федора это откровение ошеломило – никогда он не видел, чтобы кто-то шел на подобные ухищрения, чтобы скрыть свои благородные намерения – и глубоко тронуло плохо скрываемое желание Лириэль добиться его одобрения. Преодолев расстояние, разделявшее их, он взял ее ладонь в свои руки. Ее пальцы все еще оставались ледяными; осторожно растирая их, он обдумывал свои слова. Много ему хотелось сказать, но он не был уверен, что что-либо из этого будет иметь какой-то смысл для дреу. Несмотря на изощренный ум и любовь к хитростям и интригам, она слабо разбиралась в сложностях души.

Меж ними воцарилась долгая тишина. Наклонив голову, Лириэль присмотрелась к нему, изображая недоумение. «Ты думаешь», дразня обвинила она. «‘Есть те, кто думает, и те, кто мечтает’», процитировала она его собственные слова. «Ты же не собираешься сменить сторону, правда?»

В ответ он печально улыбнулся. «Нет. Просто мечтаю как обычно». Выпустив ее руку, он повернулся к двери.

«Не уходи пока», она подвинулась, освобождая место, и похлопала по краю койки.

Федор оглянулся через плечо. Он позволил глазам высказать то, что было у него в сердце, но остался на почтительном расстоянии. «Я всегда буду твоим другом», тихо сказал он; «Но

временами, вороненок, ты ожидаешь слишком много». На лице дроу замерло понимание, затем испуг. Когда-то, однажды, они были любовниками. Неожиданные, неведомые чувства в тот раз сорвали Лириэль с ее эмоциональной пристани, оставив растерянной и недоумевающей. Подобные вещи были опасны – и строго запрещены! – среди дроу, и она с готовностью согласилась на предложение Федора оставить случившееся в прошлом. Их дружба была прочной, но нелегкой; они все еще двигались на ощупь по незнакомой территории. Сейчас, глядя на друга, она поняла, что для него ситуация еще далека от разрешения, и это одновременно тревожило и интриговало ее.

«Но ты *хотел бы* остаться?» спросила она прямо.

Федор мягко улыбнулся ей. «Спокойного сна. Увидимся следующей луной». И исчез, прикрыв за собой дверь кабины.

Буря эмоций подхватила дроу: облегчение, раздражение и, наконец, порыв чисто женской злости. Выхватив из-под матраца кинжал, она метнула его в дверь. Вонзившись в дерево, он задрожал, издавая хорошо слышимый гул. Дроу спрятала голову под подушку, приглушая издевательский звук.

«Он мог, по крайней мере, ответить *да!*» пробормотала она.

С первыми лучами рассвета *Эльфийка* добралась до архипелага Коринн, скопления маленьких островков к северу от Муншае. Команда, казалось, в полном составе что-то предвкушала, и Федору это не нравилось. Особенно веселился Хрольф, всюду шутивший и неумело распевавший баллады.

С каждым днем Хрольф нравился молодому рашеми все больше и больше. Капитану была присуща неумемная способность радоваться жизни, одновременно обезоруживающая и заразная. Все происходящее – будь то налетевший шторм, полный рог меда или рассказ о приключениях – Хрольф принимал с удовольствием и энтузиазмом. Проблема была в том, что принимал он больше, чем следовало. Федору с трудом удавалось примирять растущую симпатию к капитану со столь развлекавшими того малопочтенными делами, и его откровенно пугало, что может произойти, когда они сойдут на берег.

Однако прием, который оказали экипажу *Эльфийки*, его немедленно успокоил. Ближе к вечеру они вошли в порт на Тетрисе, небольшом острове с покрытыми зеленью холмами и скалистым, обдуваемым ветром берегом. Докмейстер поприветствовал Хрольфу по имени, и пригласил его поторопиться на фестиваль. Пока они шли сквозь деревню – скопление хижин из камня и соломы, обступивших направляющуюся в море реку – местные жители радостно приветствовали моряков. Невысокая, пышная женщина с серыми глазами и щеками цвета спелых яблок выбежала навстречу Хрольфу, приветственно протянув руки. Капитан поймал ее, легко развернул и заключил в медвежьи объятия.

«Его женщина», объяснил, довольно улыбающийся, Олвир глядя на пару. Они с Федором шли вместе, следуя за все растущей толпой в холмы за городом. За время путешествия они сдружились, сначала обмениваясь рассказами о своих родных местах, затем, со временем, раскрыв и собственные истории. С детства Олвир мечтал стать скальдом, но не мог смириться с приниженным статусом, которое занимали барды в воинственной культуре. Из-за этого он и ушел в море, ища удачи и удовлетворения гордости, одновременно коллекционируя истории для души.

«Вы часто появляетесь на этом острове?» осведомился Федор.

«Пять, шесть раз в год. Можно сказать, родной порт!»

«Все же, разве это не слишком редкие встречи для такой дружной пары?»

Олвир пожал плечами. «Мойра не оставит остров, а Хрольф море. Они друг другу подходят: всегда рады встрече, и не унывают при расставании».

Затем моряк сменил тему, описывая предстоящий вечером фестиваль. Здешние ффолки следовали забытым на большинстве островов обычаям, древним ритуалам и празднованиям,

обусловленным сменой сезонов. Друид, дрожащий седобородый старец, в облачениях давно ушедшей эпохи, поклонялся древним духам земли и моря. Сегодня ночью деревня предложит ежегодные приношения речному духу, и отпразднует приход весны.

Федор стоял среди деревенских, пока престарелый друид читал молитвы и совершал обряд, предлагая воде подобающую дань: прекрасной работы браслеты, броши и прочие украшения из чистого желтого золота. Его несколько удивило, что пираты так же соблюдали почтительное молчание, наблюдая, как целое состояние исчезает в воде.

Еще одним любопытным фактом было, что Федор не чувствовал магии в этом месте, вообще никакой. Как многие среди его народа, он был одарен Зрением, и обычно ощущал места силы. Здесь он не замечал ничего, и решил попозже узнать насчет этого у Хрольфа.

С закатом, ритуал перешел в празднование. Хрольф и его люди привнесли в него несколько бочонков добытого накануне меда. Холмы расцвели кострами, вокруг которых пираты и жители деревни танцевали под музыку флейт, барабанов и маленьких жалостливых дудок. Радостное безумие фестиваля уступило место приятно-размеренному темпу, гораздо скорее, чем предполагал Федор. Некоторые из участников парами исчезали в тенях за пределами освещенных кругов. Оставшиеся танцевали и пили пока не лишались сил, затем пристраивались у огня и умиротворенно засыпали.

Используя неожиданное затишье, Федор отправился на розыски Хрольфа. Капитан восседал на пне, держа на коленях жену, а в одной руке большой рог. Капитан, проревев приветствие, протянул его юноше, настаивая, чтобы тот выпил свою долю. Федор осушил его – несложная задача для привыкшего к огненному *джунду* Рашемена – а после спросил у капитана по поводу ритуала, объяснив, что не ощутил присутствия в реке магии.

Пират пожал плечами. «Духи мест теперь не так часто встречаются как раньше, это верно, но старые обычаи умирают медленно. Да и какой с того вред? Речные воды питают их поля, несут лодки в море, дают рыбу. Это дороже для них, чем золото!»

«Хорошо сказано», ответил рашеми, приятно удивленный проникательным и справедливым ответом Хрольфа. Тем не менее, он чувствовал, что капитан чего-то недоговаривает, и сказал ему об этом напрямую. Хрольф лишь подмигнул ему, и, вновь наполнив рог из бочонка с медом, вручил его юному воину. «Для мечтателя, парень, ты слишком много беспокоишься! Доберись до дна, и проверь, не найдется ли там лекарство от всех твоих забот!»

Лириэль подождала пока пройдет полночь, прежде чем сошла с корабля. Хотя она и согласилась с Хрольфом, что ффолкам едва ли понравится появление на их острове дроу, искушение увидеть эту землю своими глазами оказалось слишком велико. Сама не зная почему, она оделась, как если бы должна была участвовать в фестивале, в платье из черного шелка купленное в Скуллпорте, и уложила пышные волнистые волосы сложным убором хвостов и колец. Ветроход она спрятала под платье, отдав почетное место кулону, подарку Федора: гладкий овал янтаря с черным пауком внутри. Накинув поверх пивафви, она прошла под покровом невидимости через опустевшую деревню, направляясь к угасающим кострам в холмах.

Дроу ожидала фестиваль; то, что она увидела, напоминало скорее поле боя. Ффолки и руатанцы валялись вперемешку, как павшие в схватке, за единственным отличием: мертвые обычно не храпят. Скрежещущий хор давал ясное представление о вечернем веселье. Особенно отличался Хрольф, заставлявший воздух дрожать хриплым ревом, лежа на спине и закинув ноги на один из нескольких опустевших бочонков.

Эта сцена заставила дроу подозрительно сузить глаза. Ее нередко изумляла странная слабость, которую люди питают к крепким напиткам. Любой дроу мог с легкостью перепить троих дварфов, и даже те, кто чересчур усердствовал в этом, мог избавиться от эффекта опьянения лишь одним усилием воли. Люди не обладали такой выносливостью, и насколько она могла судить, те из них, кто менее всего способен справиться с выпивкой, сильнее всего к ней привязаны. Тем не менее, она не представляла, как может такое множество людей напиток до

полного отключения, да еще так быстро. Даже Федор, поглощавший это жуткое огненное вино Рашемена, стал жертвой ночного гуляния, и лежал в глубоком сне. Рядом с ним в землю острой частью был воткнут наполовину полный рог.

Присев рядом с ним, Лириэль взяла рог, и приняв запах к меду поймала слабый аромат добавленных в него трав. Поскольку знание ядов важнейшая часть образования любого темного эльфа, Лириэль распознала запах безвредного – но сильного – сонного зелья.

Так что она не удивилась, когда «спящий» Хрольф издал звук, похожий на свиное уханье. По этому сигналу пираты начали подниматься на ноги, как множество кукол натянутых на единую нить. Эффект был одновременно пугающим и комичным. Лириэль невольно подумала о зомби, поднимающихся с поля сражения повинувшись приказу мага.

Люди проследовали к берегам реки; за ними направилась и гадающая, что на сей раз затеял Хрольф, Лириэль. Столь же озадаченная, она наблюдала как несколько моряков помоложе избавившись от одежды входят в реку. Они ныряли, а появляясь на поверхности бросали товарищам на берегу маленькие, сияющие предметы. Из разговоров, Лириэль сложила по кусочкам полную историю случившегося ранее ночью и происходившего на ее глазах.

Это кощунственное воровство ее обеспокоило, ни один друу Подземья не посмел бы осквернить подношение Лолт. Из виденного ей после Мензоберранзана Лириэль делала вывод, что немногие божества столь же мстительны как Паучья Королева, но, все же, такой риск ради золота казался слишком велик, и она решила убедить пиратов в ошибочности их поведения.

Все так же невидимо Лириэль прогуливалась среди моряков, когда вынырнул юный Бьорн, улыбаясь во весь рот. Триумфально взмахнув над головой золотым браслетом, он бросил его к берегу. Лириэль перехватила украшение в полете, мгновенно упрятав его в складках пивафви.

Для пиратов это выглядело, как будто украшение просто исчезло. Они отпрянули от места, где стояла невидимая друу, охваченные изумлением и страхом.

«Капитан, ты же говорил здесь нет речного духа!» запротестовал побледневший Олвир.

Бьорн, перепугавшийся еще сильнее, беспрестанно чертил тонкими руками в воздухе охранительные знаки. «Защити нас Темпус! Мы прогневали их бога!»

«До сих пор ничего подобного не случилось!» возразил невозмутимый Хрольф. «Подумайте, парни. Мы собираем это золото каждую весну уже десять лет, регулярно как уборка урожая. Нет, любой дух который мог когда-то обитать в реке давно исчез!»

«Что же тогда?» осведомился Ибн.

Капитан подмигнул своему первому помощнику, и протянул ладонь к, казалось, пустому месту. «Отдавай назад, девочка. Ты получишь свою долю после, как и мы все». Лириэль спрянула улыбку. Заверения Хрольфа обращенные к его людям успокоили и ее, а мгновенный ответ на ее проделку порадовал. Оставаясь незримой, она бросила браслет капитану. Неожиданное появление вновь повергло в шок все еще настороженных людей. Затем Бьорн понял, что случилось, и захихикал. Один за другим соображали в чем дело и прочие руатане; не всех, впрочем, шутка развеселила.

«Проклятая женщина!» пробормотал Ибн поворачиваясь спиной к реке. «Должен был понять, что эта неприятность ее рук дело».

Когда взошло солнце, золото было надежно упрятано на корабле, а пираты вернулись на свои места среди спящих участников празднования. Когда сцена мало помалу начала оживать, никто из ффолков судя по всему ничего не заподозрил. Прощание между ними и пиратами было несколько приглушенным, в силу эффекта выпитого накануне меда, но вполне дружеским, сопровождаясь обещаниями скорого возвращения со стороны моряков.

Оказавшись на борту *Эльфийки*, пираты сразу же оживились. Только Федор ощущал результат вчерашней попойки, и хотя молодой воин стал мишенью для добродушного поддраз-

нивания, он чувствовал себя слишком жалким, чтобы удивляться, почему он оказался единственной жертвой.

К огорчению Лириэль, *Эльфийка* не направилась напрямиком на Руатим. Хрольф установил курс на Невервинтер, береговой город примерно в трехстах милях к северу. Руатане собирались обменять часть украденного золота на тамошние товары, но для такого крюка были и практические резоны. Невервинтер обрел свое имя за необычно теплый климат, и незамерзающую круглый год гавань. Частично причиной тому была Река, теплое течение и воздух, пришедшие с запада, от Эвермита, через остров Гандарлун, и сужаясь касавшиеся берегов Невервинтер. Такой ранней весной плавание по Реке было куда безопасней, чем среди ледяных полей открытого моря. Хрольф планировал войти в Реку у Невервинтер, проплыть к Гандарлуну за весенней сельдью, а затем направиться строго на юг к Руатиму. Ожидалась хорошая прибыль, но путешествие становилось длиннее, чем Лириэль предполагала изначально. Она даже не представляла, сколько удержится магия в Ветроходе, и ей не терпелось добраться до Руатима как можно быстрее.

Но дреу постаралась использовать задержку с наибольшей пользой, изучая книгу морской магии и добавляя в Ветроход новые заклинания. Время заполняли и рассказы – Лириэль постаралась узнать у Хрольфа и Олвира как можно больше об их островном доме. С течением дней они с Федором вновь вернулись к спокойному общению друзей-компаньонов. Ни один из них не упоминал о случившемся в кабине Хрольфа, но Лириэль часто думала об этом. Она подозревала, что и Федор тоже.

Наконец корабль достиг Невервинтер. В порту *Эльфийку* встречала вооруженная стража, но после того как докмейстеру показали образчик золотых сокровищ пиратов, она позволила кораблю пришвартоваться – с условием, что Хрольф Буян останется под присмотром на собственном корабле. Похоже, таверны Невервинтер хорошо помнили капитана.

Лириэль с удовольствием прогулялась по городу, – идя невидимой рядом с Федором. На нее выпала задача пройтись по магазинам, продававшим водяные часы и многоцветные лампы, которыми славились искусники Невервинтер.

Часть золота ушла на покупку этих сокровищ, которые Хрольф намеревался продать богатым руатанам. В общем, получился приятный отдых, но дреу не особо сожалела, что он закончился, когда *Эльфийка* вышла в море.

Они уже два дня плыли на запад, когда в теплых водах Реки встретились с другим судном. Федор дежурил на полубаке когда заметил его: крепкий когг, тяжело накренившийся к подветренной стороне, разрезал воду с почти безрассудной быстротой. Он оповестил о встрече Хрольфа, стоявшего у руля и развлекавшего Лириэль историями о Руатиме.

«Я знаю этот корабль», заявил Хрольф глядя в увеличительное стекло. «Это охотники на тюленей. Идут домой, и страшно торопятся».

Здрав усы в широкой усмешке, он подмигнул двум бездельничавшим неподалеку морякам. «Только подумайте, парни: накидка из прекрасной белой шерсти. Вот подходящий подарок, порадовать глаз женщины и усладить встречу!»

Лириэль бросила быстрый взгляд на Федора и покачала головой. «Не делай этого, Хрольф», пробормотала она. «Ты видел его в бою против жалкого кальмара. Я же видела, как он сражался с дреу – и *победил*».

Капитан фыркнул. «Ты что, за дурака меня держишь, девочка? Думаешь, я рискну обратиться гнев берсерка на собственный корабль?»

Хрольф показал на приближающийся когг. «Я знаю капитана. Зовут Фарлоу, был когда-то наемником. Хороший человек, если тебе нравятся такие, легко лезет в драку, и он знает что мы пираты! Все, что нам нужно – проплыть поближе к ним, чтобы Капитан Фарлоу на нас полюбовался, и подумал то, что он подумает! А уж когда они нападут», лукаво заявил Хрольф,

«твой парниша будет за нас, и наконец-то мы увидим его в деле! Мне думается, для нас это будет легкая прогулка!»

Заявление капитана оказалось пророческим. Не успел он закончить речь, как когг изменил курс. Тяжелый корабль рванулся к руатанам с бешеной скоростью, направив на них бушприт как турнирное копьё рыцаря.

«По местам, парни!» с откровенной радостью взревел капитан.

Подобные нападения ожидалось и к ним были готовы, – все члены экипажа мгновенно приступили к выполнению назначенных им обязанностей. Харрелдсон спустил парус и присоединился к нескольким другим на веслах. Корабль был легче и меньше атакующего когга – единственное столкновение могло отправить *Эльфийку* на морское дно. В таких схватках лучше всего ей служила способность быстро менять курс, и воинское мастерство команды.

Федор схватил большой деревянный щит, закрепленный крюком на полубаке. Еще пятеро, поступив так же, стали плечом к плечу, образуя стену из щитов. Другая пятерка, с длинными луками, пригнулась, укрываясь за стеной. Лириэль заняла место рядом с Федором, но ее руки оставались свободны. Если понадобится, у нее найдется оружие посерьезнее.

Когг быстро приближался, и первые стрелы охотников за тюленями защелкали о деревянные щиты. Люди Хрольфа стреляли в ответ; затем *Эльфийка* резко повернула и проскочила мимо когга. Прежде чем торговый корабль успел изменить курс, гребцы Хрольфа развернули корабль обратно и два судна расположились бок о бок. Двое пиратов размахнувшись бросили веревки с тяжелыми абордажными крюками, оба удачно. Охотник наклонился, собираясь перерубить веревку; тут же его тело свалилось в море, утыканное стрелами руатан.

Древесина столкнувшихся кораблей затрещала и застонала, затем они разошлись. Гребцы отложили весла, и как раз вовремя схватились за оружие: три охотника перепрыгнули узкую полосу воды, разделившую корабли.

Хрольф с ревом накинулся на них, раскинув руки, и прежде чем те успели приготовиться к защите, все четверо с громким плеском упали вниз.

«В атаку!» донесся голос капитана из воды. «Нет смысла марать кровью чистую палубу!»

Пираты перекинули мостики между кораблями, и бросились по наклонным доскам на когг. Более многочисленные охотники спокойно поджидали их, приготовив оружие. Затем, неожиданно, уверенность атакующих уступила место ошеломлению.

Все они слышали рассказы о берсерках Руатима, воинской элите защищавшей эту землю. Берсерки никогда не встречались в море, тем более на пиратском корабле. Но никем иным темноволосый воитель шедший на них быть не мог.

Семи футов роста, размахивающий черным мечом слишком большим и тяжелым чтобы большинство людей могли его хотя бы поднять. Аура магии окружала его, а голубые глаза пылали внутренним огнем. Не менее ужасающей – и еще более неожиданной – была дроу, следовавшая за берсерком как маленькая темная тень. В одной руке она держала длинный кинжал, золотистые глаза хищно блестели, как у волка преследующего добычу. Колебания охотников на тюленей длились лишь мгновение, чернобородый капитан подбадривал их в бой острием собственного меча.

Берсерк прорывался напрямик к Фарлоу, ударами плашмя отбросив двух оказавшихся на его пути пиратов с абордажной доски. Он запрыгнул на палубу когга, на ходу нанося удар сверху вниз.

Фарлоу высоко выставил собственный меч, парируя удар. Его полуторный меч, доброй дварфьей работы и проверенный двумя десятилетиями в наемниках, раскололся на части под клинком берсерка, разбрасывая вокруг убийственные осколки. Быстрее чем полагал возможным капитан, берсерк изменил направление удара и отбил один из оказавшихся в воздухе осколков в сторону одного из охотников. Вертясь в полете как брошенный кинжал, стальная полоса пробила человеку горло, пришпилив его к мачте.

Капитан взглянул на рукоять и оставшийся огрызок клинка, и понадеялся, что этого хватит. Занеся разбитое оружие над головой, он кинулся к смертельно опасному врагу, вкладывая в удар весь свой вес и всю силу.

Заметившая атаку Лириэль закричала, предупреждая Федора. Почти небрежно берсерк выбросил руку и поймал противника за локоть, мгновенно остановив его бросок. Вывернув руку капитана вниз и внутрь, одним быстрым толчком он вогнал разбитый клинок в сердце его владельца.

Как ни странно, охотники не прекратили боя со смертью предводителя, напротив, атаковали пиратов с невероятной яростью. Лириэль особо отметила одного – высокого, рыжего мужчину, с пылом паладина противостоявшего Хрольфу: капитану *Эльфийки* удалось загнать его на бак, но там их клинки никак не могли предоставить одному или другому преимущества в смертельном диалоге.

Прочие охотники оказались не столь удачливы против пиратов и их союзника-берсерка. В считанные минуты палуба когга стала скользкой от крови, и лишь немногим из них удалось избежать черного меча Федора. Не считая оппонента Хрольфа, никто из них уже не сопротивлялся.

Видя, что победа принадлежит им, Лириэль радостно завопила и повернулась к Федору. Единственного взгляда хватило, чтобы забыть о веселье. Хотя на главной палубе стояли только моряки с Руатима, боевое безумие не покинуло юного воина.

«Бросьте оружие!» крикнула она. «Все!» Берсерк повернулся на звук ее голоса, черный меч с громким шипением разрубил воздух. Лириэль много раз видела своего друга в бою, но никогда прежде не оказывалась с ним лицом к лицу, не видела пламени и льда его боевой ярости обращенными на нее. Он возвышался над миниатюрной эльфийкой, берсерковая магия придавала ему иллюзию сверхъестественного размера и соответствующую силу. Лириэль могла видеть его истинный облик сквозь магию, но это мало успокаивало. В глазах Федора, надвигавшегося на нее, не было узнавания. Лириэль бросила окровавленный кинжал и упала на колени, выставив перед собой руки с обращенными вверх ладонями в жесте капитуляции. Уголком глаза она заметила, что Хрольф и его противник все еще держатся за оружие. Они приостановились, услышав отчаянный крик Лириэль, но настороженно поглядывали друг на друга, не желая давать другому преимущество.

«Если тебе дорога моя жизнь, Хрольф», негромко произнесла она, «если вы, идиоты, цените свою, бросайте мечи *сейчас же!*»

Мгновенная пауза, которую разорвал лязг падающей стали. Боевая ярость, наконец, оставила Федора, и с рассеивающейся магией он казалось, шагнул назад, в собственное тело. Потом он встал, озадаченно смотря сверху вниз в лицо друу; кончик меча тяжело опустился на палубу. С ужасом в глазах на посеревшем лице рашеми отвернулся и ушел с места битвы. Лириэль поняла, и оставила его наедине с самим собой.

Тем временем руатанцы радостно обшаривали захваченный когг. Под направляющими командами Хрольфа, они забрасывали на свой корабль кипы необработанных шкур, и переносили ящики и бочки с щелоком, необходимым для дубления.

Бьорн шел по мостику, пошатываясь под тяжестью большой дубовой бочки, оказавшейся слишком тяжелой для юноши. Выскользнув из его рук, она с треском упала на палубу *Эльфийки*, крышка треснула, выплеснув содержимое. Парень побелел, безуспешно хватая ртом воздух. «Капитан, взгляните на это», наконец сумел произнести он. Что-то в тоне Бьорна заставило Хрольфа поторопиться. Оживление капитана испарилось при виде маленькой неподвижной фигуры: тело ребенка – морского эльфа, сохраненное морской водой разлившейся на доски. Жуткое открытие мгновенно остановило грабеж. Пираты столпились вокруг, недоумевающие и растерянные. Их дискомфорт еще более усилился, когда Хрольф мягко поднял мертвого ребенка массивными руками и заплакал, открыто и не стыдясь этого.

Осторожно отложив тело, Хрольф командовал осмотреть остальные бочки. Его осунувшееся лицо омертвело по мере того, как на палубу укладывали все новые и новые трупы.

«Вызовите Кзорша», угрюмо сказал он.

Один из матросов поторопился вниз и вернулся со странным предметом, выглядевшим весьма похоже на маленькую шарманку. Окунув ее в воду, Хрольф повернул деревянную ручку. Вместо музыки раздалась серия щелчков и посвистываний.

«Сообщение морскому эльфу», прошептал Бьорн на ухо Лириэль. «Звук в воде раздается быстрее и дальше чем в воздухе. Внизу есть создания, которые услышат и передадут его пока послание не дойдет до морского рейнджера. Он скоро появится здесь, и будет знать, что необходимо сделать».

Когда Хрольф поднялся на ноги, Ибн принял у него устройство и кивнул в сторону когга. «Что делать с кораблем, и теми, кто остался в живых?»

«Затопить», жестко приказал Хрольф, «и оставить эту мразь ждать приговора Амберли. Но перевяжите сначала их раны, чтобы кровь не привлекла акул или чего похуже. Госпожа Волн объявит свою волю без моей помощи!»

Гнев капитана разогнал экипаж по местам и заставил торопиться. Некоторые занялись погрузкой раненных охотников в единственную маленькую лодку, другие боевыми топорами прорубали дыры в борту когга. Один из пленников – тот самый рыжеволосый, обменивавшийся ударами с Хрольфom – попытался переговорить с капитаном. Хрольф единственным ударом гигантского кулака заглушил его протесты и, бросив потерявшего сознание бойца в лодчонку, подал знак опускать ее на воду. Вскоре туманы сомкнулись над приговоренными людьми, словно занавес, отделяя их от смертного мира.

Хрольф постоял у борта, глядя вслед лодке с угрюмым удовлетворением долго после того, как она пропала из виду. Тихо, почтительно, экипаж занялся работой. Немногие из них знали полную историю давней любви капитана и эльфийки, но не было среди них ни одного, кто не потерял бы кого-нибудь в море. Не было ни одного, кто не послал бы тихую молитву Амберли, прося Госпожу Волн взять раненых охотников, и избавить от своего гнева кого-то другого.

В этих молитвах никто не посмел называть себя; или просить пощады для друга или возлюбленной. Живущие морем – суверенный народ, и принимают назначенную судьбу. Но по своей воле ни один из них не отдаст себя на милость Амберли, и кто мог усомниться, какова окажется участь охотников за тюленями в руках морской богини? И пусть они, будучи северянами, не питали большой любви к эльфам, никто из них не подумал, что участь эта будет незаслуженной.

Глава 5

Амулет

Триэль Баэнтре, недавно ставшая правительницей самого могущественного дома Мензоберранзана, восседала на своем черном троне. Молодую Матрону-мать окружало слабое пурпурное сияние, отбрасывая призрачные тени и вынуждая жрицу, сидящую перед ней, перевести глаза в видимый спектр. Триэль делала это специально: свет приглушал тонкие подробности доступные тепловидению, маскируя все проявления эмоций, в чтении которых темные эльфы были мастерами. Для дреу абсолютная темнота открывала больше, чем прятала. Тени куда лучше подходили для маскировки.

Важно было не показать, какое отвращение Триэль питает к своей гостье, поскольку Шаки Ханзрин была ценным инструментом, первой двойной жрицей за целые поколения, которой удалось успешно проникнуть в ряды жречества Ваэрауна. Известных последователей бога воровства было немного – в большой степени потому, что подозреваемые в этом быстро расставались с жизнью – но Триэль полагала, что так называемый Бог в Маске представлял большую угрозу, чем хотелось бы признавать служительницам Лолт. Будучи двойной жрицей, Шаки сможет сделать так, чтобы это опасное семя никогда не принесло плоды. Матрона Баэнтре не сомневалась, что верность Шаки принадлежит Лолт; сильнейшие заклинания чтения мыслей, доступные ей, не открывали ничего кроме фанатичной веры. Пожалуй, даже чересчур фанатичной, поскольку в отличие от большинства жриц Шаки принимала Наставления Лолт буквально. Эти так называемые Наставления – завоевание Подземья, и уничтожение всех эльфов в Землях Света – представляли собой всего лишь приятные фантазии, полезные для успокоения гордости простых дреу, отвлекая их внимания от иных вопросов. В принципе, Триэль соглашалась, что Наставления провозглашали достойные цели. Однако сейчас ее внимание поглощали куда более непосредственные заботы.

Она не слишком прочно восседала на своем троне, к тому же ходили слухи о заговорах, затевающихся с целью сместить Дом Баэнтре с его долго занимаемого положения. Даже матриархия, система власти державшаяся тысячелетиями, оказалась под ударом. Мензоберранзан балансировал на грани анархии. Триэль отчаянно нуждалась в чем-то, что можно было бы предложить враждующим дреу, чем-то, вокруг чего их можно было бы сплотить – и заодно упрочить собственный ранг и положение. Странная магия, добытая ее племянницей-беглянкой, могла оказаться таким ключом.

«Что ты узнала об амулете, Лириэль?»

«Есть хорошие новости», начала Шаки. «Маг Нисстир мертв, а вместе с ним и план использовать амулет для целей Ваэрауна».

Триэль одобрительно кивнула. И так было слишком много соревнующихся за обладание этим призом. «В рядах слуг Ваэрауна у тебя есть другие контакты?»

«Множество», не моргнув глазом, соврала Шаки, полностью полагаясь своим мысленным щитам, одному из самых могущественных даров Ваэрауна.

«Используй их», приказала матрона. «Пошли их на поверхность. Верни Лириэль и амулет в город».

«Я уже послала своих слуг, – не мужчин дреу на сей раз, существ с иного плана. *Не Бездны*», заверила Шаки со спокойной уверенностью, «так что тебе не нужно беспокоиться, что другие жрицы узнают о моих планах больше, чем им решит раскрыть сама Лолт».

Выражение лица Триэль оставалось непроницаемым, но Шаки увидела искорку, промелькнувшую в глазах матроны при упоминании о том, что жрица Ваэрауна имеет доступ к

силам незнакомым большинству служительниц Лолт. Для жрицы Ханзрин, это был миг ни чем не омраченного торжества.

«Держи меня в курсе», сказала матрона Баэнтре, бесстрастным тоном словно и Лириэль и таинственный амулет были маловажными вещами. «Теперь к другим делам. Как ты знаешь, Лолт объявила, что между домами не будет войн. Когда ситуация в городе вернется к норме, это изменится. Возможно также, что серьезно улучшится и положение Дома Ханзрин». Шапти тщательно скрыла восторг. Слова Триэль предполагали предложение поддержки могучего Дома Баэнтре, но с тем же успехом они могли оказаться проверкой. Шапти знала, что чересчур амбициозных дроу нередко находили мертвыми в их собственных покоях.

«Моя мать, Матрона Кинтуэре, будет рада узнать, что ты с оптимизмом смотришь на будущее семьи Ханзрин», осторожно уклонилась Шапти.

Взмахом ладони Триэль отбросила увертку. «Союз между Баэнтре и Ханзрин был долгим и плодотворным; однако сама Кинтуэре, по моему мнению, нередко создавала излишние трудности». Матрона сделала паузу, вперив изучающий взгляд в двойную жрицу. «Твоя старшая сестра умирает. Скоро ты станешь наследницей Дома Ханзрин».

Шапти опустила голову в благодарном поклоне, однако удерживала свое лицо – и мысли – осторожно-нейтральными. Наконец сквозь вышколенную маску Триэль пробилась редкая улыбка. «Отлично», криво усмехаясь произнесла она.

То ли Триэль поздравляет ее с успешно осуществленным заговором, то ли за прохождение некоего теста. Наверно, и то и другое, решила Шапти.

Вскоре после этого она покинула Дом Баэнтре. Беседа с Матроной Триэль завершилась удачно, но Шапти не чувствовала успокоения. От Мензоберранзана до поверхности всего семь дней пути, но для нее это был чуждый, неизвестный мир. Прежде Шапти не ступала ногой за пределы города, тем более не бывала в Подземье. Ей было трудно даже представить, насколько нелегкой может оказаться предстоящая ей задача, или сколько времени она может отнять.

Когда магия амулета Лириэль Баэнтре будет в ее власти, когда она омоет ладони в крови своей соперницы, – только тогда сможет она освободиться от оков Дома Баэнтре, и достичь двойного предназначения, установленного ей Лолт и Ваэрауном.

* * *

Кзорш, морской рейнджер, не слишком удивился зову Хрольфа. Прежде чем последние ноты шкатулки вызова растаяли в воздухе, прежде чем потухли в воде вибрации щелчков и свиста, рейнджер уже видел перед собой *Эльфийку*. Ему не нужно было далеко плыть; он следовал за руатанским судном со времени сражения с гигантским кальмаром.

Морского эльфа серьезно беспокоило присутствие на корабле дроу, поскольку он поклялся помогать всем, кто плавает вместе с Хрольфом Буяном. Честь Кзорша, в свою очередь, требовала исправлять насколько возможно причиняемый пиратами вред. Пока что он умудрялся совмещать и то и другое без конфликта, но морской эльф боялся, что не сможет сдержать данное слово столкнувшись с бедами, которые может вызвать дроу.

Однако, необычная пассажирка Хрольфа вызывала также и любопытство Кзорша. В отличие от большинства своего рода, Кзорш восхищался магией, а женщина дроу владела ей с непринужденным мастерством. Легенды Морского Народа винили дроу в том, что они украли магию морских эльфов; это только подстегивало интерес рейнджера. Больше всего ему хотелось поговорить с дроу, узнать правду о темных эльфах. Возможно даже, купить у нее магическое оружие. Средства на это у него найдутся, – Кзорш обладал немалым опытом в исследовании затонувших кораблей и затерянных подводных городов, и добыл немало сокровищ, которые обменивал на кованое оружие и другие товары, в которых нуждались обитатели моря. Давней его мечтой было обладание рупницей эльфийской магии.

Но все личные заботы подождут. Кзорш видел приближение когга, наблюдал за последовавшей битвой. Он не вмешивался, видя с самого начала что Хрольф и его люди держат ситуацию под контролем. Судьба корабля, теперь медленно опускавшегося на дно, его не беспокоила. Торговцы атаковали первыми, без каких либо провокаций, а причина Кзорша не интересовала. Они получили что заслужили.

Подплывая к *Эльфийке*, Кзорш увидел на фоне неба темный овал дна меньшего корабля. Выжившие, предположил он, оставленные ожидать милости Амберли; Это не вызвало его неодобрения. Бывали случаи, когда так же поступали с моряками морские эльфы, поскольку нередко эти люди представляли угрозу для всех морских обитателей, и иногда эльфы вынуждены были отвечать ударом на удар. Просто по привычке, Кзорш всплыл на поверхность, проверить результаты последней работы Хрольфа.

Семь людей бессильно расположились в небольшой лодке, все кроме одного с ранами, впрочем обработанными и перевязанными. Морской эльф одобрительно кивнул при виде такого свидетельства честной игры; затем его глаза остановились на рыжеволосом человеке находившемся в середине, и он дернулся от неожиданности.

Этого человека он знал. Каладорн, Лорд среди людей Уотердипа, нередко держал совет с водяными людьми, следившими за городской гаванью. Кзорш часто встречался с ними, и на одной такой встрече видел молодого человека, хотя и с расстояния и через призму морской воды. Каладорн произвел на него впечатление человека чести. Что мог он совершить, чтобы навлечь на себя такую судьбу от незлобивого Хрольфа?

Кзорш осторожно подплыл ближе. Морякам, отданным Амберли, иногда позволяли оставить при себе оружие, дабы не встретиться с судьбой иной, чем назначит им Госпожа Волн. Но эти люди были безоружны – еще одно доказательство вопиющего преступления.

«Лорд Каладорн», мягко позвал Кзорш. Человек дернулся, повернулся в поисках говорящего и изумленно уставился на морского эльфа; Кзорш позволил ему мгновение собраться с мыслями. Немногие люди встречались с представителем Морского Народа, и при первом взгляде нередко терялись от удивления.

«Я Кзорш. Моя обязанность, как и твоя, следить за безопасностью и благополучием моих сородичей», сказал он. «Мне хотелось бы понять, почему вы атаковали корабль с Руатима, чей капитан друг морского народа, и находится под моей защитой». Обдумав это, Каладорн медленно кивнул. Титул «друга эльфов» был величайшей честью, которой мог удостоиться человек от Народа, и давался только тем, кто оказал эльфам величайшую услугу, тем, кто особенно любил и понимал старшую расу.

«Это объясняет, почему капитан оставил нас на волю волн», задумчиво произнес он. «Возможно, ты можешь ответить на другие вопросы».

Каладорн коротко изложил историю его страшного открытия на корабле-призраке, ненависть Капитана Фарлоу к пиратам и его пламенную обвинительную речь о предполагаемых зверствах, которые руатане совершали над морскими эльфами. Он описал схватку, невероятную ярость молодого берсерка и горе Хрольфа при виде мертвых эльфов. «Мы не имеем к этим смертям никакого отношения», заверил он в заключение, «но руатанский капитан не дал нам объяснить».

«Хрольф импульсивен», признал Кзорш, «и стремится защитить Народ».

«Теперь, зная нашу историю, как ты собираешься поступить?» Рейнджер задумался. «Мой первейший долг перед жителями моря. Я должен узнать, кто убил моих родичей, и почему. Когда смогу, я пошлю слово водяным людям Уотердипа; возможно, они помогут вам».

«Тогда ты тоже приговариваешь нас к смерти», запротестовал Каладорн. Водяные люди непредсказуемы, – они оба это знали, а Уотердип лежит в нескольких днях пути на юго-восток.

«Эти люди ранены, часть тяжело. У нас нет еды, мало воды. Водяные люди – если вообще придут – опоздают».

Кзорш признал справедливость этого утверждения. «Здесь, неподалеку, есть группа небольших островов. Люди там не живут, но вы сможете продержаться, пока не поспеет помощь».

Морской эльф приложил ладони ко рту, и издал высокий пронзительный крик. Спустя мгновение тишины, два серых плавника разрезая воду двинулись к ним. Каладорн инстинктивно потянулся к пустым ножнам.

«Не акулы», заверил Кзорш. «Это дельфины, друзья морских эльфов. Они приведут вас в безопасность, быстрее, чем вы смогли бы добраться под парусом или на веслах».

Каладорн с пробудившимся любопытством наблюдал, как Кзорш переговаривается с ними с помощью щелчков и взвизгиваний. Морской эльф достал две плетеных веревки с пояса, привязал один конец каждой к лодке а вторые свернул в узлы, которые накинуд на дельфинов. Те быстро поймали петли заостренными носами.

«Ночь я проплыву с вами», пообещал эльф. Достав с пояса длинный кинжал, он вручил его человеку. «В этих водах множество опасностей, некоторые из них я сам пока не понимаю. Вам может понадобиться это».

Не дожидаясь ответа Каладорна, рейнджер резко шлепнул по воде. Судя по всему, это был сигнал, поскольку дельфины рванули на восток, легко ведя за собой маленькое суденышко. Когда первые лучи солнца коснулись поверхности воды, Кзорш повернулся назад к пиратскому кораблю. Смысла торопиться не было, поскольку он уже знал причину, по которой звал его Хрольф. Да и пираты не ожидают его раньше. Он не хотел объяснять, почему следует за кораблем, или обращать в слова свои подозрения касающиеся дроу.

Никогда прежде Кзорш не видел дроу, ушедшую в море, и сомневался, что эта женщина преследует благородные цели. Его род уже немало пострадал от рук злобных дроу; Кзорш был решительно настроен сделать все в его силах, чтобы не допустить новых бед. Даже если речь идет о дроу, находящейся под защитой его клятвы.

Жизненные ответы обычно легко приходили к юному рейнджеру, а границы между добром и злом были четкими и ясными. Однако теперь Кзорш задумался, являются ли эти вещи настолько простыми, как он всегда верил.

* * *

Утро на *Эльфийке* тянулось бесконечно. У экипажа, занятого ожиданием морского рейнджера почти не было других дел. Присутствие мертвых эльфов, даже теперь, когда их осторожно уложили в трюме, удручающе действовало на обычно бодрый дух моряков Руатима.

Федор старался как мог отвлечь их историями о своей родине – о духах мест, все еще обитавших в ручьях и колодцах, о его приключениях в руинах древних королевств, похороненных в лесистых холмах Рашемена. Молодой рассказчик не понимал, почему упоминания о духах заставляли матросов хитро ухмыляться, но, по крайней мере, они остались довольны предложенным им времяпровождением.

Первый помощник, однако, занялся практическими вопросами. Ибн осматривал их добычу, отставляя в сторону ценные товары, и выбрасывая в море мусор. Он как раз собирался сбросить сломанную крышку одного из бочонков, но неожиданно остановился, и прищурившись уставился на сделанные на ней отметки. Подумал, поджав губы, и осмотрел оставшиеся бочки. Затем торопливо направился к Хролфу, проводшему ночную вахту на полубаке. Эльфийка снова была рядом с ним, что несколько нервировало Ибна, но сейчас у него не было времени беспокоиться о своих предрассудках.

«Посмотрите, капитан», с нехарактерной настойчивостью произнес Ибн, передавая крышку Хролфу. «Это знак Эльсбейна, бондаря. Бочка сделана на Руатиме. И все бочки, где

были морские эльфы, отмечены этим знаком». Хрольф нахмурился и пожал плечами. «Что с того?»

«Странно, вот что», ответил Ибн. «Что произошло между этими охотниками на тюленей и Морским Народом – не знаю, и меня это не заботит. Я просто надеюсь, что не появится еще больше засоленных эльфов, винить за которых будут Руатим».

Лириэль мгновенно поняла его мысль. Хотя о человеческой политике она знала немного, но интригу чуяла в любом виде. «Он прав, Хрольф. Нам надо вернуть тех раненых людей, и узнать, что им известно».

Первый помощник не выглядел обрадованным ее поддержкой. Сведя рыжие брови в угрюмой гримасе он уставился на дреу. «Ты во всем виновата», прошипел он.

«Я-то тут при чем?» возмутилась она. «Морские эльфы были давно мертвы, когда мы их нашли».

«Дурная удача так и действует. Никогда не видишь, что ждет тебя, но натыкаешься все равно!»

«Хватит», устало оборвал их Хрольф. «Лучше найти их, и попробовать во всем разобраться». Лириэль кивнула. «Я отправляюсь вниз – полуденное солнце все еще слишком ярко, – но когда вы их найдете, позовите меня. Я получу от них больше информации, чем они хотели бы выдать».

Скрестив руки Ибн бросил на нее злой взгляд. «Ты не будешь пытаться раненых, пока я первый помощник на этом корабле!»

«Избавь меня от поучений», холодно ответила она, «и попытайся помнить, что магия дает возможности, далеко выходящие за доступные твоему примитивному воображению рамки».

Дреу прошествовала мимо него, величественная как матрона-мать. Однако она чувствовала полный ненависти взгляд за спиной, опускаясь в трюм, и подумала, что он сделал, если бы знал, что она собирается предпринять.

Ибо слова Лириэль стали для нее неожиданным источником вдохновения. У нее *действительно* была возможность извлечь информацию из разумов охотников. Не через собственное волшебство, но жреческими заклинаниями. Жрицы Лолт могли запустить нити своей липкой паутины в мысли других – даже тех, кто ушел за пределы жизни. Зачем тратить зря силы на допрос охотников, решила Лириэль, если она может переговорить напрямую с духами мертвых морских эльфов. Конечно, это было невероятно рискованно. Могучая жрица может вызвать дух и приказывать ему, но Лириэль, только ученица, никогда не пробовала молитвы и заклинания, преодолевающие границы смерти. У нее не было никаких причин предполагать, что Лолт выполнит ее просьбу; скорее уж, подобные действия могли разгневать Паучью Королеву. Духи морских эльфов не окажутся во владениях Лолт, и Лириэль сомневалась, что богиня дреу находится в добрых отношениях с эльфийским божеством, которому или которой они поклоняются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.